

Аратта. Книга 1. Великая Охота

Автор:

Мария Семёнова

Аратта. Книга 1. Великая Охота

Мария Васильевна Семёнова

Анна Евгеньевна Гурова

Аратта #1

Мир тысячелетия назад. Последние отступающие ледники, первые легендарные империи, мифические предки финнов и славян и чудом сохранившиеся реликты куда более древних эпох – все это мир великой Аратты и окружающих ее диких земель. Пятнадцатилетний царевич Аюр отправляется на свою первую настоящую охоту, чтобы в единоборстве одолеть великого зверя. Его путь лежит в Ползучие горы, где все еще водятся мамонты и кровожадные саблезубцы. В желании испытать себя юноша даже не представляет, как далеко ему придется зайти на этом пути. То, с чем ему предстоит столкнуться, куда хуже любого дикого зверя... Юная Кирья из лесного племени ингри, живущего на окраине обитаемого мира, случайно открывает в себе волшебный дар. Простая глиняная свистулька в ее руках обретает необыкновенную и порой опасную силу. Как распорядиться этой силой, особенно когда в лесные земли вторгаются чужаки и привычный мир начинает рушиться прямо у нее на глазах?.. Эта книга – первый опыт сотрудничества создательницы знаменитого сериала о Волкодаве и талантливой петербургской писательницы Анны Гуровой, автора книжных сериалов «Князь тишины», «Лунный воин», «Книга огня» и других популярных произведений фэнтезийного жанра.

Мария Семёнова, Анна Гурова

Аратта. Книга 1. Великая Охота

© М. Семёнова, А. Гурова, 2017

© Оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

* * *

Пролог

Полдюжины стражей-накхов в неизменно черных одеяниях на караковых жеребцах неспешно проследовали по широкой улице к Царским вратам храма Солнца. В Верхнем городе их открывали всего лишь дважды в год – в день зимнего и летнего солнцеворота.

Нынче как раз была зима. По небу ползли низкие мохнатые тучи, из-за которых изредка пробивался ослепительный солнечный луч, и сразу снова скрывался в сизой хмари. Порывами налетал теплый ветер, особенно сильный здесь, в Верхнем городе, на вершине горы. Недавно прошел дождь, и воздух дышал влагой. Обе стороны улицы, ведущей к храму Исвархи – Господа Солнца, – были запружены нарядной толпой. Плошки – масляные светильнички, свечи, факелы в руках у людей то и дело гасли, вынуждая их со смехом обращаться с просьбой об огне к соседям. Все жители столицы – в лучших одеяниях; дома чисто прибраны, пыль и грязь – к Первородному Змею! Младшие боги на домашних алтарях напоены молоком, на столах уже стоят блюда со сладостями, двери оставлены открытыми – вдруг кто-либо из богов или добрых духов решит нынче посетить смертных? А если нет, так и соседям будем рады!

Повсюду звучали смех и болтовня, однако взгляды зевак постоянно устремлялись в начало улицы, откуда уже скоро должна была появиться Солнечная колесница. Она выедет из храма Вартхи, Ветра-во-Тьме, где хранится в тайне и мраке весь год, и торжественно проедет до Царских врат, ведущих в главный храм Аратты. Сам солнцеликий повелитель взойдет на нее сегодня! А еще ходят слухи, что он впервые покажет народу своего наследника,

маленького царевича Аюра.

С утра Верхний город, и так величественно-роскошный, вычистили до совершенного сияния, вымыли улицы; крыши заняли лучники-арии, и только тогда открылись ворота, и шумные пестрые толпы из Нижнего города хлынули к храму. Пешие стражи-жезлоносцы стояли вдоль главной улицы, пинками отгоняя самых ретивых от дороги, по которой поедет Солнечная колесница. Всадники-накхи, пустив коней шагом, внимательно оглядывали толпу. Лица их были закрыты шлемами с кольчужной бармицей, оставлявшей лишь узкую прорезь для глаз. Ширам, сын Гауранга, глядя на них из толпы, с гордостью невольно припомнил слова отца: «Вступая в бой, ты больше не человек – ты воплощение смерти. А смерть стирает лица. Она приходит невидимой и уходит незаметно».

Ширам и сам носил такой же шлем. Впрочем, не только он – все накхи, обитающие в столице, сегодня были здесь, в Верхнем городе. Так велела им традиция и собственное желание. Ширам, сын Гауранга, прибыл в столицу всего несколько дней тому назад. Его дед, саарсан всех накхов, бывший бы их повелителем, когда б Накхаран был вольной страной, оглядев внука, напутствовал его:

– Мы – накхи. Мы дали слово, и никто никогда не нарушил его. Повелитель Аратты щедр и справедлив к нам. Так отправляйся в столицу и служи верно. Теперь ты – воин государя.

Он обвел глазами двенадцать лучших воинов рода Афайи, которым предстояло сменить в рядах Жезлоносцев Полуночи прежнюю дюжину, отосланную год назад в пору зимних дождей. Те невольно подобрались под суровым взглядом саарсана. Каждый знал, насколько высока честь охранять повелителя ариев, солнцеликого отца всех народов Аратты.

И вот теперь Ширам стоял и глядел в сторону храма Ветра в ожидании появления процессии. Как и все, он осознавал, насколько важен этот ритуал. Если великий государь Ардван не проедет на Солнечной колеснице, открывая врата зимнему солнцу, то страшно даже предположить, какие несчастья и беды обрушатся на весь мир в грядущем году! Змей, оставшийся непобежденным, вновь зашевелится в своих темных безднах, в глубине вод омывающего землю океана. И снова обрушатся на окраины великой Аратты наводнения, снова затрясет землю... Тем важнее нынешнее действо! Пусть повелитель проедет

благополучно – и ход солнца в небе в этот год ничто не потревожит. А он – как и все прочие накхи, – сделает все, чтобы защитить божественного повелителя. И конечно же он, внук саарсана, должен быть сегодня неподалеку от государя, с оружием в руках...

Но к его огромной печали, саардас, командовавший отрядом, велел ему покуда не торопиться и присматриваться. Даже в оцепление по краям дороги его не поставили. Вот почему сейчас Ширам не гарцевал на коне впереди своей дюжины на глазах у восхищенной толпы, а стоял в первых ее рядах и вместе со всеми ожидал проезда государя, солнцеликого Ардвана.

Арии-трубачи, стоявшие в промежутках между застывшими воинами-накхами, повинувшись неслышимому приказу, подняли трубы, изготовленные из витых рогов горных козлов, и над притихшей улицей пронесся такой рев, что толпа отпрянула назад. Трубам ответили бронзовые гонги; словно сердца великанов, глухо загревели обтянутые кожей огромные барабаны.

– Приближается! – зашушукались в толпе. – Вон, уже!

Государь Ардван, в расшитом золотом одеянии, слепящий, как солнце, которое он и воплощал, в усыпанной камнями диадеме с двенадцатью зубцами, стоял на царской колеснице, управляемой великим конюшим. Как нарочно, солнечный луч пронзил косматое облако и, точно копьем, ударил в золоченую кровлю храма, заставив зажмуриться и восторженно ахнуть всех стоящих вдоль улицы. Какое доброе предзнаменование! А ведь праздник только начинается. На закате состоится красочное представление: воин-государь Исварха будет побеждать Змея Тьмы. В прошлом году Змей был сорок локтей длиной и такой жуткий с виду, что дети плакали от одного его вида. Не испугается ли царевич?

А вот и он – не подвели слухи! Держась двумя руками за передок колесницы, ехал наследный царевич Аюр – сияющий, как новая монетка, большеглазый мальчик лет восьми. Рядом с ним стояла еще и царевна, чуть старше его, похожая на расписную куклу. При виде божественных детей толпа разразилась ликующими криками.

Стражи-накхи мерно ступали вокруг колесницы: трое спереди, трое сзади, по трое по бокам. В руках они несли тяжелые жезлы, увенчанные небольшими топорками в виде орлиных крыльев. Ширам с завистью поглядел на саардаса,

лично возглавлявшего эту дюжину. Как бы желал он когда-нибудь встать вот так же рядом с государем! Хранить его от любого врага, исполняя высший долг накха – нерушимой верностью оправдывать милость и доверие правителя к двенадцати высоким родам Накхарана...

Он смотрел не отрываясь. Вдруг воспоминание будто палкой ударило его по спине. «Не смей завидовать! Ты не знаешь, что, кому и для чего дает судьба. Бери свое смело, а на чужое не зарься!»

Устыдившись, Ширам отвел глаза. Взгляд его невольно упал на рослого накха, стоявшего чуть впереди, совсем рядом с дорогой. «Экий верзила», – подумал он, присматриваясь. Среди накхов высокие мужчины встречались нечасто. Этот, похоже, был из них. Но кто таков? Почему прежде, в дозоре или на учениях, Ширам его не встречал? Заинтересованный взгляд юноши скользнул по клинкам, закрепленным за спиной сотоварища. Нет, что за ерунда? Ни один накх не повесит так оружие. Настолько низко, да еще прямо вдоль хребта... Для того чтобы выхватить мечи, придется долго нашаривать за спиной рукояти, а затем тащить вверх – косу себе ненароком не отрежет? Неужели в отборную гвардию затесался какой-то олух?

Ширам легко, не напрягаясь, повел плечом, сделал едва заметный шаг и оказался совсем рядом с верзилой. Лицо того, как и положено, было закрыто кольчужной маской. Юноша глянул на рисунок, украшавший навершие мечей, и обомлел. Две светлые изломанные линии, извиваясь зубцами, тянулись вдоль бронзового «яблока», и четыре точки между ними недвусмысленно говорили о принадлежности воина к роду Афайи – его собственному роду! Но...

Ширам задохнулся от внезапно нахлынувших подозрений.

– Едут, едут! – завопили все, и толпа хлынула вперед. Люди принялись напирать и толкаться. Краем глаза юноша увидел приближающихся соплеменников и золотистых длинногривых жеребцов, влекущих Солнечную колесницу. Он почувствовал, как странный накх сгибает колени, будто готовясь к прыжку...

«Это не наш!»

Не говоря ни слова, Ширам саданул локтем в грудь ближайшего соседа, перескочил через его падающее тело и, обнажая клинки, бросился на чужака:

– Ата-ай!

В этот же миг, будто повинуюсь крику Ширама, из толпы прямо под ноги скакунам полетели глиняные сосуды, из которых повалили клубы густого вонючего дыма. Юный воин почувствовал, как по чешуе его доспеха, скрытого под черным одеянием, скользнул удар. Не оборачиваясь, он шагнул назад, наступил на ногу нападающему и коротко ткнул мечом. Позади раздался и сразу оборвался вопль.

Время будто растянулось. Ширам видел, как очень неспешно поворачивается к нему лженакх. Как выхватывает из-под черной рубахи длинный кинжал, как замахивается им... Для всех прочих эти движения слились бы в один кратчайший миг. Но Ширам мог бы за это время спеть хвалу отцу и деду, обучившим его танцу Афайи. Клинок ударил под кольчужный воротник врага, и накх почувствовал, как острое его меча входит в горло, как теплеет металл от льющейся по нему крови.

Жезлоносцы Полуночи уже были рядом. Не обращая внимания на зловонный дым, они пинками и ударами жезлов заставляли всех лечь на землю, вытянув руки перед собой. Лишь Ширам остался стоять над мертвым телом врага.

Государь Ардван сошел с колесницы и принялся разглядывать переодетого убийцу. Ширам впервые увидел солнцеликого так близко. Склоняя голову, он невольно подивился тому, что повелитель Аратты – такой же человек, как он сам, с немолодым и усталым лицом. Юный накх искоса бросил взгляд на царских детей – те выглядывали поверх строя сомкнувшихся стражей, тараща огромные, ярко подведенные черным глаза. Царевна встретилась взглядом с Ширамом и закашлялась от дыма. Но никто из них не плакал. Должно быть, не поняли толком, что произошло...

– Неужели кто-то из накхов предал меня? – раздался возмущенный голос повелителя.

– О нет, мой государь! – Ширам стремительно опустился на корточки около трупа, сорвал с его головы шлем. Лицо мертвеца было смуглым, как и у самого Ширама.

– Так все же измена вьет гнезда в ваших сердцах...

Ширам качнул головой и резко провел указательным пальцем по щеке неудачливого убийцы. На коже осталась светлая полоса.

– Это не накх. – Он приподнял веко и поглядел на голубой зрачок. – Это арий.

Часть 1

Зверь из Бездны

Глава 1

Змеиный Язык

– Привал закончен! Выступаем! Остался всего один переход – и мы попадем в землю Великой Охоты!

Аюр встал с ковра, торопливо дожеввал соленую полоску вяленого мяса (такая пища только в пути и кажется вкусной, а дома совершенно несъедобна) и зябко завернулся в плащ – алый, расшитый золотыми конями, с подкладкой и оторочкой из меха рыси. Дикари-погонщики, отдохавшие поодаль, рядом со своими мамонтами, тут же подняли глаза, раскрыли рты, да так и замерли, глядя на чудесный плащ как зачарованные.

Святое Солнце, какой же тут холод – а ведь нынче лето! И ветер все время дует, сырой и студеной, и от земли веет морозом. «Что ж ты хочешь, – сказал на это Ширам, глава его телохранителей. – Приятное место Змеиным Языком не назовут!»

Аюр уныло посмотрел по сторонам. Так оно и было. Издалека Змеиный Язык казался загадочным и полным чудес, а вблизи – однообразные безлесные

плато с торчащими из высокой травы причудливыми скалами. Первое время царевича занимало все – езда на мамонтах, косматые мохнаки в шкурах, непривычные, стелющиеся по земле горные растения, незнакомые голоса ночных птиц... Аюр еще никогда прежде не покидал окрестностей столицы. Но так долго предвкушаемое путешествие на Змеиный Язык уже успело ему порядком наскучить.

– Все будет, – успокаивал его Ширам. – Потерпи, царевич. Мы еще даже не поднялись на плато...

– Скорее бы, – ворчал Аюр, представляя себе обещанные земли Великой Охоты – как ему их расписывали в столице.

Куда ни глянь, раскинулись просторы, сплошь покрытые цветущим разнотравьем. Когда по траве пробегает ветер, кажется, что колышутся зеленые волны. И там, в этом травяном море, пасутся неисчислимые стада. Олени, мамонты, длиннорогие туры... Поодаль вертятся гиены... А где-то еле качнутся метелки трав – это подбирается к стаду пятнистый саблезубец...

При мысли о саблезубцах у Аюра всякий раз невольно холодело в глубине живота. Все дорогу царевич очень внимательно прислушивался к разговорам ловчих, особенно когда те вспоминали прежние охотничьи вылазки в южные степи Аратты, и все старательно запоминал, чтобы не опозориться, когда дойдет до дела. Нет, конечно, он ездил на конную охоту за винторогами и метко бил из лука по мишеням. Но что может сравниться с Охотой Силы – первой в жизни юноши встречей один на один с огромным, смертельно опасным хищником! Только после нее, вернувшись с достойной добычей, он сможет по праву назвать себя мужчиной.

Аюр хорошо помнил, как в детстве впервые увидел саблезубца, как с криком шарахнулся от оскаленной пасти и выпущенных в прыжке когтей. Хорошо еще, что это было всего лишь чучело! Потом страшный зверь гонялся за ним во сне. И вот теперь ему предстоит выйти против него с оружием – уже не во сне, а в яви...

Впрочем, это все впереди – а пока отряд идет, шаг за шагом поднимаясь вверх. Дорога не слишком крутая и не опасная, только холоднее с каждым днем. И пустынно. До чего же тут пустынно! За все дни пути не встретили ни одного

зверя, даже суслика... Аюр потребовал объяснений у Варака, почтенного доверием раба-распорядителя из дворцовой охотничьей палаты, а у того на все один ответ: «Все идет замечательно, о божественный сын Солнца!» И подобострастная улыбка, как пришитая. Надо бы спросить мохначей, только они человеческого языка не знают. Да и не пристало наследнику Аратты разговаривать с косматыми зверолюдьми.

Аюр расправил крепкие плечи, погладил покрытую золотой чеканкой рукоять кинжала – еще одного предмета мечтаний дикарей. Даже среди ариев царевич считался красавцем и знал об этом. Его длинные волосы, прихваченные на макушке, свободно падали на спину, а на груди, в ушах и на запястьях сверкали украшения. Но яснее всяких сокровищ о знатности говорили его золотистая кожа и яркие светлые глаза. Вот – отличие, данное Солнцем своим первородным сыновьям! Господь Исварха недаром полюбил ариев и даровал им силу и власть. В отличие от всех этих низкорослых, неказистых рабов или звероподобных мохначей. И конечно же, детей ночи – накхов.

Послышались громкие странные возгласы, фыркание. Дикари поднимали в дорогу мамонтов. Небо потемнело: над юношей нависла ходячая гора длинного, свалывшегося грязно-белого меха, над которой вились рои злющих оводов. Варак сказал, что в прежние годы их здесь бывало гораздо меньше. Впрочем, пообещал, что оводы вот-вот отстанут.

Аюр посмотрел вверх – оттуда широко улыбалась, сверкая зубищами, погонщица Айха. Юношу мучило от ее грубого конопатого лица, он даже жалел эту бедолагу, которую угораздило родиться такой уродиной. Впрочем, у соплеменников она наверняка считалась первой красавицей, с ее пышными светло-рыжими волосами – если бы еще убрать из них вплетенные птичьи кости и мышьи черепа. Айха хоть была приветлива, в отличие от своих соплеменников. У тех лица как тупым ножом из дерева вырезаны, такие же неподвижные и ко всему равнодушные. Ширам сказал: боги наказали мохначей родиться такими за тяжелые прегрешения в прошлых жизнях. Потомки накхов упорно верили в перерождения, хоть их странная, темная религия была уже много веков запрещена в Аратте.

Но все-таки одно Аюра в дикарях восхищало. Как они повелевают своими исполинскими зверями! Никогда не кричат и не бьют их, как погонщики быков, у них даже и бичей нет. Шепнут что-то на ухо, а то просто рукой махнут особым образом – и мамонт делает все, что ему повелят.

Повинуясь возгласу погонщицы, рядом с Аюром свесился хобот. Мамонт свернул его кольцом и подставил под ноги юноше – вставай сюда, подниму!

– Как он умен! Как послушен! – воскликнул Аюр, в восторге глядя на белого мамонта. – Подари его мне!

Мохначка продолжала улыбаться, не понимая вопроса. Тут же рядом возник Варак, задрал голову и принялся что-то втолковывать дикарке. Беседа затянулась.

– Господин, – с виноватым видом повернулся к Аюру дворцовый раб. – Она сказала, что не хочет.

– Что значит «не хочет»? – Аюр грозно свел брови. – Разве не достаточно, что этого хочу я?

– Дикая женщина говорит, что они со своей скотиной как брат и сестра, – не скрывая презрения, перевел Варак. – Дескать, они выбрали друг друга в детстве, вместе росли, питались из одного корыта...

Аюр нахмурился еще сильнее. Сзади беззвучно подошел Ширам. Невысокий и жилистый, как все накхи, он с ног до головы был в черном, из украшений – золотой обручальный браслет на запястье да свернувшаяся в спираль серебряная змейка у ворота плаща.

– Чем это ты тут занят, солнцеликий?

– Она не хочет дарить мне мамонта! – воскликнул царевич. – Как она вообще смеет мне отказывать?

Сообразив, в чем дело, Ширам усмехнулся:

– Зачем тебе мамонт, Аюр? Даже если он добредет до столицы, не подохнув по пути от жары, то непременно застрянет в городских воротах...

За его спиной послышались приглушенные смешки телохранителей. Аюр сделал вид, что не услышал. Он вообще считал, что эти отборные воины-арии из Полуденных Жезлоносцев слишком много себе позволяют и смеют относиться к нему покровительственно. Но воины, хоть и считались его личной охраной, подчинялись не ему – ими командовал Джериш.

– Дикарка не подарит тебе своего зверя, даже если ты посулишь ей в обмен свой великолепный плащ и охотничий лук в придачу, – продолжал Ширам. – Забудь. Все равно мамонты никого не слушаются, кроме собственных погонщиков. Их когда-то пробовали забирать силой, так они начинали беситься – не уймешь, пока не убьешь. Зато со своими погонщиками даже на саблезубца пойдут.

– А я все-таки думаю: она просто жадина, – пробурчал Аюр и вдруг просиял. – Тогда я забираю мамонта вместе с погонщиком! Мохначи иногда живут в Аратте, я знаю. У дяди Тулума один такой служит при храме с детских лет, Аоранг его зовут – лечит людей и животных, даже научился говорить по-человечески... Мамонту во дворце будет очень хорошо, а городские ворота мы ради него разберем.

– Так и будет, если божественный сын Солнца даст повеление, – подхватил Варак. – А сейчас пора выступать...

– И Солнца сын, вскочив на коня, полночный край обозрел! – донеслось со стороны костра.

Там сутулился над свитками жрец Хаста. Не обращая внимания на сборы, он торопливо покрывал телячью кожу ровными строчками. Рядом стоял глиняный горшок – обиталище неугасимого священного пламени, духа Исвархи. Другой обязанностью жреца было вести записи обо всем, что происходит в пути. Он и вел их слогом, достойным героев.

– Не на коня, а на мамонта, – с усмешкой поправил Ширам. – Скажи, огнехранитель, почему бог песен всегда посещает тебя в самое неподходящее время?

– Для бога нет неподходящего времени! – ни на миг не смутившись, заявил Хаста. – И Солнца сын, на мамонта сев, полночный край обозрел!

Священная гадательная собака, развалившаяся рядом с ним, широко зевнула, распахнув узкую зубастую пасть.

– «Какие дивы, – промолвил он, – меня сюда занесли?» Ай! Ты опять?! – Хаста подскочил на месте, схватившись за голову. Довольная Айха шмыгнула прочь, унося с собой волосок, выданный из его рыжих свалывшихся косм, не стриженных, как и положено жрецу, с самого посвящения. – Отойди от меня, о ужасная женщина с бородой!

– У нее нет бороды, – хихикая, заметил Аюр.

– Лучше бы была, мы б хоть ее лица не видели! – И, понизив голос, Хаста предположил: – Мне кажется, она хочет меня съесть, светозарный! Уже начала ощипывать... Потом проснусь оттого, что меня поджаривают над костром...

– Она просто в тебя влюбилась, – возразил Аюр, глядя, как Айха благоговейно прячет выданный волосок. – Спроси ее, Варак, почему она ходит за жрецом как хвост и дергает из него то волосы, то нитки?

Варак, выслушав мохначку, фыркнул:

– Глупая дикая женщина считает почтенного огнехранителя Хасту волшебным существом, кем-то вроде полубога. В ее вшивую голову никак не уместится, как это можно записывать слова. Она говорит: это великое колдовство – останавливать мгновения...

Жрец на миг задумался и ухмыльнулся.

– Ну-ка дай! – Он схватил дикарку за руку и еще непросохшей кистью начертал ей на тыльной стороне ладони «ард» – знак Солнца. Погонщица ахнула и застыла, глядя на свою руку как на нечто отдельное и бесценное...

– Молодец, Хаста! – захохотал Аюр. – Теперь они отрежут ей руку, засушат и будут поклоняться!

– Подобное отношение к письменности у звероподобного племени само по себе достойно уважения, а не насмешек, – заметил Ширам. – Начертанные знаки

порой таят скрытую силу...

– Воистину это слова мудрости! – льстиво заявил Хаста, убирая свиток и как бы невзначай кинув взгляд на татуировку на запястье у Ширама – ползущую эфу. Слухи о тайных обществах накхов ходили, пожалуй, с тех самых времен, как двенадцати родам Накхарана запретили собственное жречество. Может, байки, а может, и нет...

– Выступаем! – важно объявил Аюр. Поставил ногу в кольцо хобота и был в мгновение вознесен на высоту. Айха помогла ему устроиться в башенке, а сама скатилась по мохнатому боку мамонта вниз и пошла рядом, любуясь знаком Солнца на своей руке и счастливо улыбаясь.

– Почему встали?

Ширам вышел вперед и остановился, глядя под ноги. Поперек тропы зияла трещина. Неширокая, можно перешагнуть без усилия, но длинная. Трещина уходила в обе стороны и терялась в невысокой траве.

– Это еще что? – спросил Ширам. – На Змеином Языке бывают землетрясения? Почему мне не сообщили?

Варак, тут же оказавшийся рядом, сразу пожалел, что так торопился. Все рабы и слуги боялись накха, особенно когда он начинал говорить таким вот негромким, лишенным выражения голосом. Даже воины охраны предпочли хранить молчание, ожидая, чем кончится дело.

– Ерунда! – дрогнувшим голосом заявил Варак. – Ее и ребенок перешагнет! Нет причин для беспокойства, господин!

– А если обвалится край? – Голос Ширама стал еще тише и неприятнее.

Мохначи тем временем слезли с мамонтов и столпились перед препятствием, что-то обсуждая. Затем двое ушли в разные стороны от тропы, внимательно осматривая землю.

– Какой она глубины?

Ширам подошел, наклонился над краем, заглядывая в темную, отливающую синевой бездну. Оттуда на него дохнуло таким потусторонним морозом, что нах невольно отступил на шаг, помянув Храваша, царя голодных дивов. Кинул в щель камешек, но тот беззвучно сгинул где-то внизу.

– Хаста, – мгновение подумав, позвал он, – где твой пес?

Жрец торопливо вышел вперед, ведя собаку. Все столпились у щели, затаив дыхание. Станет ли священная собака прыгать через трещину? И если прыгнет, то какой лапой ступит – правой или левой?

Собака легко перемахнула на другую сторону и обернулась, помахивая хвостом. Она явно не понимала, как такое ничтожное препятствие могло остановить отряд. Над толпой пролетел дружный вздох облегчения. Никому не хотелось тащиться назад, когда цель была так близко.

– Хорошо, – кивнул Ширам, – знамения благоприятны. Но первыми пусть пройдут мамонты.

Вернулись дикари, поднялись на мамонтов, и самый большой, белый, вышел вперед. Перед трещиной он остановился, обнюхал ее, взволнованно затрубил, но все же перешагнул. Ничего не случилось. За ним пошли следующие.

Когда караван миновал подозрительное место, Ширам пропустил всех вперед, а сам пошел сзади, сделав знак Вараку подойти.

– А ну выкладывай, – приказал он.

– Что? – пролепетал тот.

– Что-то неладно. Этот край как вымер! Где звери? Почему так промозгло? Тут должно быть гораздо суше в это время! Откуда столько мух?

– Все идет как следует, пресветлый господин, ни о чем не беспокойтесь... – привычно завел свою песню Варак.

– Нет, не все! Вчера мы должны были ночевать в стойбище мохначей. Я прекрасно помню, как ты распинался в дворцовой охотничьей палате – дескать, на каждой стоянке нас будет ждать подготовленный удобный ночлег... И где оно, твое стойбище?

– Может, откочевали? – пискнул Варак. – Это же дикари! Они сворачивают свои шатры из шкур, садятся на мамонтов и уходят, куда им вздумается... Ой!

Пальцы Ширама легли Вараку на плечо и слегка сжались – вроде и несильно, но все тело раба как иглой пронзила острая боль. Варак вспомнил рассказы о том, что накхи могут и убить, просто ткнув пальцем в нужное место, и весь взмок, несмотря на холод.

– Не говори пустых слов, – протянул Ширам, не торопясь его отпустить. – Ты ведь знаешь, что такое Охота Силы? Представляешь, что будет, если царевич вернется без добычи?

– Да-а... – просипел распорядитель. – Мне больно, добрый господин...

– Храваш будет тебе добрым господином, если что-то пойдет не так!

Варак зажмурился. Царь голодных дивов казался ему сейчас куда предпочтительнее.

– Завтра вечером, – выдавил он, – мы выйдем на большую равнину... И там нас точно ждут...

Ширам наконец отпустил плечо «устранителя хлопот» и ушел вперед, догоняя караван. Варак выдохнул. Разминая плечо и мысленно осыпая накха проклятиями, он оглянулся на трещину. В сумерках она ухмылялась ему вслед, словно узкая черная пасть.

Вечерело. Заходящее солнце окрасило горные склоны в цвета пламени. В низинах и промоинах легли лиловые тени. А караван все шел. Перевал, за которым начинались травянистые равнины, казался уже совсем близким, рукой подать.

Мамонт при ходьбе сильно раскачивался. Первые дни Аюра невыносимо тошнило, плоскогорья плясали перед глазами, но потом он привык. Царевич лежал на набитых душистыми травами тюфяках, грыз медовые сладости и мечтал, как, вернувшись с добычей в столицу, станет рассказывать о своих охотничьих подвигах друзьям и подругам. По сторонам тропы уже пошли первые пятна высокой травы – пока еще не равнины до края неба, но в такой траве вполне мог укрыться саблезубец-другой.

Легко можно представить, как страшный зверь внезапно выскакивает – да хоть из-за вон того обломка скалы! Бросается на мамонта и вонзает свои жуткие клыки в его ногу! Вслед за ним с ужасающим воем появляется целая стая хищников. Взбесившийся мамонт вырывается вперед и несется по равнине... Земля содрогается от топота... Воины и погонщики остались далеко позади, слышны только отдаленные крики страха да рычание настигающих зверей...

И вот сзади с ужасным ревом на мамонта бросается огромный, с клыками в руку длиной... ну ладно, с локоть, мощный самец в расцвете сил и свирепости. Зверь начинает ползти вверх по обезумевшему, скачущему галопом мамонту. А мохнатый великан, несмотря на всю мощь, настолько испуган, что даже не пытается сбросить его...

И тут он, Аюр, встает (юноша с восхищением представил со стороны эту картину) – длинные волосы развеваются по ветру, одной рукой вскидывает выгнутый из турьих рогов лук, другой стремительно, но плавно накладывает стрелу и одним движением, как учили, оттягивает ее к уху. Стрела вонзается зверю прямо в глаз! Потом прыгает следующий... потом еще один...

Гора убитых саблезубцев росла прямо на глазах...

От сладких мечтаний Аюра пробудили ругань воинов охраны, испуганная скороговорка Варака и зловещее шипение накха. Он выглянул из-за занавесей и обнаружил, что караван стоит. Неподалеку от его мамонта столпились все участники охоты, включая воинов, ловчих, мохначей и слуг. В середине круга скорчился несчастный Варак, которого воины бранили последними словами. Ширам смотрел на него не мигая. В руке у него была лунная коса – слегка изогнутый клинок на длинном древке, любимое оружие накхов.

– Почему ты не спросил мохначей? – слышался его голос, полный уже нескрываемой ярости. – Они не могли не знать!

– А может, и спросил, да нам сказать побоялся? – добавил один из ловчих. – Правда, Варак? Ты ведь знал, что дичь ушла?

– Нет! – раздался полный страха вопль раба-распорядителя. – Я не знал!

– Давайте дождемся следопытов, – проговорил второй ловчий. – Может, они принесут хорошие вести?

Аюр распахнул занавеси с другой стороны, высунулся, огляделся и ахнул. Вокруг простирался исполненный величественной красоты вид. До самого края неба огромными плоскими ступенями спускалась озаренная заходящим солнцем равнина. Порывами налетал ветер, гнал по травяному морю длинные извилистые волны. Зеленый цвет разнотравья уже постепенно сменялся на рыжий. Дальний край равнины терялся в голубой дымке. Облака над равниной багровели и золотились...

И на всем этом бесконечном пространстве не было заметно ни единого зверя. Ни мамонта, ни носорога, ни оленя. Ни саблезубца...

Глава 2

Куда идти дальше?

– Но тут должны быть звери, господин, великое множество зверей, огромные стада! – причитал Варак, озираясь по сторонам. – Их тут всегда было так много, что местами сама земля сложена из их костей!

– И где же они все?

– Их нет, – беспомощно развел руками Варак.

– А мы и не заметили! – съязвил кто-то.

Между тем из высокой травы вынырнули следопыты. На них обратились взгляды остальных.

– Свежих следов нет, – растерянно покачал головой Дакша, немолодой опытный охотник, не раз сопровождавший государя Ардвана в облавных охотах в степях Аратты. – Ни мамонтов, ни оленей, ни хищников. Все ушли.

– Почему же они ушли? – спросил Ширам, бросая взгляд на невозмутимых мохначей.

Старый ловчий хлопнул себя по шее.

– Даже не знаю... Может, оводы прогнали? Вишь, как сыро стало? – Дакша копнул носком сапога землю. – Мох! Змеиный Язык давно с юга подтапливает. Скоро там будут сплошные болота... Если тут зимой валит столько снега, неудивительно, что звери уходят. Они сейчас наверняка далеко на севере, там их не жалят насекомые и легче добывать корм...

– И что же ты посоветуешь – идти догонять их?

Дакша нахмурился.

– Мы к такому походу не готовы. Это здесь пока тепло и сыро, а там, севернее, уже осень, и скверная осень! Да и согласятся ли проводники? Они на это не подражались... Ну-ка, – окликнул он переводчика, – спроси ту лохматую образину, поведет он нас на север за зверем?

Варак перевел вопрос, обращаясь к старшему из мохначей с полуседой гривой и пегой бородой, заплетенной в косы. Мохнач, по имени Умги, почесал в затылке и надолго впал в задумчивость. Южане хотят идти искать зверей? Как они собираются это делать? Они не знают ни пути, ни края, ни обычаев, а люди Ползучих гор не любят чужаков...

– Эй, ты заснул, что ли? – нетерпеливо окликнул мохнача глава жезлоносцев Джериш.

Тот что-то рыкнул в ответ.

– Он говорит, что размышляет, – перевел Варак. – Он должен хорошо все обдумать.

– Да что тут думать? – с досадой сказал Дакша. – У нас нет ни достаточных припасов, ни теплой одежды, и только боги знают, куда ушли стада.

Ширам кивнул. Он тоже понимал, что шататься по Змеиному Языку в поисках неведомо куда откочевавших животных – не лучший выход.

– Что мы еще можем сделать?

– Вернуться назад.

Лицо накха застыло.

– А что делать-то? – развел руками Дакша. – Сами виноваты. Переложили все хлопоты на распорядителя, а он не разузнал про зверей, пока было время. Или разузнал, да сказать побоялся. Сейчас это уже не важно. Эх, сколько времени, сколько средств потрачено впустую! Снаряжение, припасы, подарки дикарям...

Варак, обманутый спокойным лицом накха, подхватил:

– Господин, ну ведь бывает, что дичь уйдет! Это же звери... В прошлом году были, в этом нет... Может, следопыты плохо искали, давайте их снова отправим...

Рука накха взметнулась и кончиками пальцев хлестнула переводчика по лицу. Варак вскрикнул и ничком рухнул на землю.

– Может, тебя отправить в прошлый год, чтобы ты поискал там зверя? – вкрадчиво спросил Ширам.

Варак уткнулся носом в траву, не смея вздохнуть. Он не сомневался, что накх убьет его, если пожелает, и никто бы тут не стал его останавливать. Вокруг все затихли.

А мохнач Умги тем временем все обдумывал заданный ему вопрос и как раз добрался до его сердцевины. Надо узнать, где звери, тогда и ответ: догонять их или нет, будет ясен. Он закрыл глаза, пытаясь позвать духов зверей... Отклика почти не было. Стада очень далеко и продолжают уходить, за ними уходят хищники. Как быстро они идут, словно спасаются от чего-то! От чего? Вокруг не видать никакой угрозы. Ни на земле, ни в небе...

Мысленным взором Умги взглянул вниз и задохнулся от страха. Там, под землей, разевала пасть голодная тьма...

Седой мохнач шумно вздохнул, содрогнувшись всем телом.

«Правильно, бойтесь», – подумал Ширам, заметив его дрожь, и с отвращением опустил взгляд на раба-распорядителя. Из-за этого ничтожества торный путь к вершинам власти, только-только приоткрывшийся перед ним, оказался под угрозой. Он задумался, какое наказание, сопоставимое с огромной виной Варака, избрать – такое, чтобы запомнилось всем...

– Приятно посмотреть на суд справедливости! – раздался из толпы голос жреца. – Пусть кровь жалкого раба прольется росой на пламя твоего гнева, благородный нах! И ничего, что он единственный среди нас, кто владеет языком дикарей...

Ширам косо взглянул на огнехранителя.

– Бог решил сказать свое слово?

– Если ему дадут высказаться, он бы не возражал, – со смиренным видом подтвердил жрец.

Над толпой пролетели смешки. Ширам нахмурился.

– Хаста верно говорит, – важно поддержал жреца Аюр. – Мы, арии, ничего не делаем, пока не явил свою волю Господь Солнце.

– Твоя гадательная собака учуяла след ушедших зверей? – недоверчиво спросил Ширам.

– Не об ушедших зверях нам сейчас надо думать. Господь Солнце ясно говорит, что нам пришло время выбирать новую дорогу!

Жрец протянул перед собой глиняный горшок с угольками, в которых дремал негасимый Священный Огонь.

– Вечному Огню ведомо прошлое и грядущее. Но чтобы он поделился запретным знанием со смертными, нужно накормить его влагой жизни...

Варак, быстрее всех сообразив, чем это ему грозит, метнулся в сторону, собираясь нырнуть в траву, но был пойман, сбит с ног и прижат к земле древками копий.

– Приступайте, – чуть поразмыслив, согласился Ширам.

Хаста огляделся, выбирая место для жертвоприношения. Двое рабов из обоза уже тащили большой бронзовый поднос – Священный Огонь, рожденный в небе, не должен был касаться земли – и тяжелый расписной короб, полный удивительных вещей, склянок, порошков и зелий.

– Сено быстро прогорит, хватит всего на одно вопрошание, – заметил Хаста, проводя рукой над ворохом сухой травы. Толпа издала единый вздох изумления – над подносом заплясали синеватые огоньки...

Потянуло горьким дымом. Жрец снова провел над подносом ладонью, и дым из горького мгновенно стал приторно-сладким, пьянящим. Мамонты начали беспокойно топтаться, пытаясь хоть на шаг отойти от огненно-дымного круга.

– Приведите жертву!

Варак взвыл и принялся отчаянно вырываться. Упирающегося переводчика силком поволокли к костру.

– Ох уж эти простолюдины! – вздохнул стоящий рядом с царевичем Джериш. – Никакого достоинства. А ведь на него сейчас смотрит Господь Солнце!

– Земляные люди всегда так, – отмахнулся Аюр, впрочем увлеченно наблюдая за подготовкой к церемонии. – Вопят, будто их ничтожная жизнь что-то значит. Помню, когда море забрало моего старшего брата, началась смута и было много казней. Глупцы и бунтовщики нагло болтали, что небеса отвернулись от дома Ардвана, но, когда наступал их срок, все они вели себя так же позорно, как этот раб. Помнишь, Ширам?

– Помню, – сухо ответил тот. – Все, кроме ариев.

– Еще б тебе не помнить. Вы, накхи, любите резать глотки, – заметил Джериш. Телохранитель царевича отлично уловил презрение в его голосе.

– Чтобы уметь, любить необязательно, – холодно ответил он.

– Разве вам приходилось казнить и ариев? – удивился Аюр.

Но вместо накха ответил Джериш:

– Арии никогда не позволят грязным рукам палача прикоснуться к себе! Они сами приносят себя в жертву Исвархе, собственным клинком!

– Так это воины, – уточнил Аюр и спросил телохранителя с любопытством: – А как казнят в Накхаране?

Но Ширам не успел ответить. Приготовления к жертвоприношению были завершены.

– Огонь жаждет! – нараспев возгласил Хаста ритуальную фразу.

– Я готов! – объявил Аюр выступая вперед. – Я уже знаю, о чем спрошу Священный Огонь!

Как сын государя – живого бога ариев, – он с детства принимал участие в разнообразных ритуалах и разбирался в них не хуже любого жреца.

Мохначи, стоя возле своих мамонтов, молча смотрели на действие. Чужаки, похоже, задумали отдать своего соплеменника в дар огню? Что ж, их дело.

Смерть и жизнь ходят рука об руку на Ползучих горах. Жизнь человека, жизнь зверя, жизнь мельчайшего гнуса стоят здесь одинаково много и одинаково мало. Но южане ничего этим не добьются. Их огненный бог тут слаб и бессилён. У Ползучих гор, от снежных равнин полночи до водопадов полудня, свои хозяева.

Чужаки с теплых низин приезжали охотиться давно. Убивали не ради пищи. Сперва люди гор не могли ничего понять, но потом дело наладилось. Гости пьянели от богатой добычи. Убитое зверье оставляли загонщикам или просто бросали в траве, увозя с собой одни рога или бивни. По-настоящему ценились только шкуры хищников. Но тут понятно – охота на хищника была испытанием отваги и ловкости. Юные люди гор тоже так делали, выходя против саблезубца или мохнатого тура с копьем один на один. Правда, копья у них были не бронзовые, а костяные или каменные...

Умги, наконец преодолев свой ужас перед привидевшейся ему алчущей бездной, подошел к прочим погонщикам и принялся о чем-то тихо с ними толковать...

Тем временем по знаку Хасты вперед вытолкнули Варака, и один из телохранителей царевича протянул жрецу кинжал.

– Нет-нет, не так! – Хаста торжественно достал устрашающего вида нож из черного стекла, что родится в подземном пламени. – Поближе его сюда!

Воины потащили раба к металлическому подносу, на котором, пожирая тлеющую траву, подмигивали угли.

– Да взглянет Господь Исварха милостивым оком на пути прошлого и будущего, открытые ему и скрытые от нас!

Хаста привычным жестом схватил раба за волосы и чиркнул ножом поперек груди. В огонь струйкой побежала кровь. Пламя мгновенно переменяло цвет, вспыхнуло, метнулось вверх, опалив Вараку бородку и брови. Раб с криком отшатнулся.

– Пошел вон, – тихо пробормотал жрец, не глядя на него, и погрузил руки прямо в пламя.

Вокруг все снова дружно ахнули. Руки жреца невредимо проходили сквозь огонь.

«Святой огонь слушается его! Он ему подчиняется!..»

– Пусть сын повелителя подойдет и взглянет на мир глазами бога!

Аюр выступил вперед, наклонился над огнем и глубоко вдохнул густой пряный дым.

Лоб его мгновенно покрылся испариной, руки задрожали, веки сонно сомкнулись – и вдруг длинные ресницы взметнулись вверх, а глаза вспыхнули, словно пораженные невиданным зрелищем.

– Крылатые корабли! – воскликнул он с изумлением и восторгом. – Смотрите, они летят клином, как осенние гуси!

Воины и слуги в почтительном страхе внимали нездешним видениям сына государя, в котором пробудилась божественная часть его существа. Сейчас он на земле лишь телом – а дух его вместе с отцом всех ариев Исвархой плывет в сияющих звездных морях.

– Вниз, вниз смотри, светозарный, – подсказал ему на ухо Хаста, поддерживая пошатнувшегося Аюра под руку. – Ищи своего зверя на земле, он не в небесных пределах...

Царевич нахмурился, но, видно, услышал, и глаза его снова закрылись. Было видно, как быстро двигаются зрачки под опущенными веками.

– Вижу! – закричал он вдруг и вздрогнул, будто узрел нечто страшное. – Вижу моего зверя! Он идет среди сосен на закат! Он зол и очень голоден! Он...

Аюр закашлялся и отшатнулся от костра. Покрасневшие от дыма глаза отчаянно слезились. Хаста помог ему опуститься на землю.

– Дайте ему пить, скорее!

– Слава Солнцу! – довольно произнес Джериш. – Он увидел своего зверя. Охота все же состоится! Мы-то с парнями уж думали – все, поворачиваем обратно...

– Среди сосен? – с недоумением произнес Ширам, окидывая взглядом голую равнину вокруг. – На закате?

– Позволь сказать, маханвир, – выступил ловчий Дакша. – Я вроде бы знаю, где может быть этот зверь. Там, за Змеиным Языком, – он указал рукой на запад, – простирается огромный и почти неизведанный лесной Затуманный край. Он покорился Аратте еще при дедах, но долгая дорога туда идет с юга, в обход Алаунских гор, через земли непокорных вендов. Однако я слышал, что если пройти Змеиный Язык насквозь и спуститься с его западных склонов, то мы попадем в лесные земли с севера.

– Обитаемы ли эти места? – спросил Ширам.

– Они населены немногочисленными племенами дикарей, живущих охотой. Они вроде бы не так звероподобны, как мохначи, платят нам ежегодную дань, и с ними можно иметь дело. Оттуда порой привозят хорошие меха. Я видел своими глазами шкуру огромного медведя...

– Медведя? – заинтересовался Аюр. – Я еще никогда не охотился на медведя!

– Потому что в Аратте их давно истребили, – объяснил Джериш, внимательно вглядываясь в царевича. – Что-то беспокоит тебя, солнцеликий? Ты так побледнел...

– Это все тот зверь, – буркнул Аюр, с его помощью поднимаясь на ноги. – Я видел его лишь мгновение, но его вид смутил меня. В нем было что-то неестественное и ужасное...

– Так это же замечательно, – радостно отозвался Джериш. – Подумай, когда ты убьешь его и вернешься в Аратту с невиданной добычей – ты же сразу попадешь в легенды! Одним этим прославишься в веках!

Аюр не ответил, только провел по лицу ладонью, словно стирая морок.

Дым рассеивался. Уже не колдовской, а обычный, горький, травяной. Жрец, кашляя, сгребал угли обратно в горшок и собирал принадлежности гадания.

– В лесах будет несложно прокормиться охотой, да и дикари с окраин обычно счастливы обменять еду и кров за наши безделушки, – задумчиво произнес Дакша, обращаясь к накху. – Твое слово, маханвир?

– Выступаем, – кивнул Ширам. – Где гнусный раб? – Он нашел взглядом за спинами слуг хнычущего, окровавленного Варака. – Скажи погонщикам, что мы пойдем дальше – через Змеиный Язык, в закатные леса.

Приказ был немедленно передан, но никто из погонщиков не шевельнулся. Они лишь переглянулись – да так, что Шираму на миг показалось, будто они обменялись мыслями. Потом седой мохнач неспешно то ли прохрипел, то ли прорычал длинную фразу.

– Дикарь говорит: они не пойдут, – заикаясь, перевел Варака. – Дикарь говорит: им надо на север! Они чего-то боятся... Чего-то, что приближается оттуда. – Он махнул рукой на юг. – Дескать, с ними договаривались только довести до великой равнины и обратно...

Сказал и съежился, ожидая, что его самого сейчас прибьют за неповиновение мохначей. Воины и ловчие выслушали его с недоумением.

– Что происходит? – спросил Аюр. – Нас не хотят везти дальше? Ну что ж, верно, путь стал длиннее – так заплатите им еще, и не будем терять время!

Варака перевел его слова, выслушал раздражающе-медлительный ответ и сообщил:

– Дикари не желают новой платы. Они просто не хотят идти. Говорят, жители лесного края очень коварны и жестоки. Они стреляют в людей из засады, поклоняются страшному рогатому богу и вдобавок людоеды.

– Чепуха! В землях Аратты нет никаких людоедов! Мы бы давно их истребили!

– Еще они волнуются за свое племя, которое откочевало неизвестно куда. Они, впрочем, согласны по уговору отвезти нас обратно...

– Что значит «они согласны»? – возмутился Аюр. – Кто вообще спрашивает, чего они хотят? Я прикажу им – и они пойдут! Их надо заставить! А если откажутся – наказать! Да, Ширам?

– Позволь напомнить, солнцеликий, – негромко сказал Дакша. – Здесь дюжина мамонтов, послушных лишь дикарям. А чтобы растоптать нас всех, хватит и пары...

Аюр недоверчиво хмыкнул:

– Они не боятся мощи Аратты? Может, они не знают, чей я сын? Скажи им, пусть трепещут!

– Боюсь, им нет никакого дела до твоего почтенного отца, – отозвался Ширам. – Мохначи прекрасно понимают, что на этих проклятых богами плоскогорьях их никто не найдет, да и искать не станет...

– Ария – уступить дикарям? Невозможно!

– Воистину, солнцеликий! – поддержал его Джериш, бросая на воинов взгляд, который те прекрасно поняли.

– Эти полузвери не знают ни боли, ни страха, – неодобрительно проворчал Дакша. – Может, лучше предложить им кафтан царевича? Они с него глаз не сводят...

– Не дам! – вознегодовал Аюр. – Ширам, скажи им!

Ширам рассеянно кивнул, как будто погрузившись в глубокую задумчивость. Он всегда становился тихим и незаметным перед боем. Накх прикидывал, что можно сделать. Как подавить волю дикарей, которые стоят и смотрят с тупой наглостью, непоколебимо уверенные в своем превосходстве?

Конечно, кое-какие средства найдутся. Например, Укус Молнии... Возглас: «Умри, ничтожный», особым образом вскинутая рука – и жертва падает замертво, пораженная бронзовым шипом... Отлично действует на простолюдинов Аратты, но впечатлит ли этих? С кого начать? Да хоть с бородатого наглеца...

Мохнач Умги, старшина погонщиков, поглядел на Ширама, чуть прищурился, и его глаза быстро пересчитали южан. Пришлецы с теплых низин почему-то полагают, что люди Ползучих гор никогда не воюют и вообще очень миролюбивы. Но это только потому, что люди гор никогда не нападают первыми. Пусть только этот чернявый шевельнет рукой, и Умги подаст знак братьям – мамонтам... А дальше – просто найти подходящую трещину... И то небольшое, что останется от южан, исчезнет в морозных глубинах без следа. Мало ли кого забирали себе горы? А их чудесное оружие и красивые вещи во вьюках останутся...

Ширам поглядел на мохнача... и по его прищуренным глазам ясно понял: тот ждет нападения.

«Когда я себя выдал? – огорчился он. – Как он догадался? Не мысли же прочитал...»

– Высокородный Ширам, – раздался рядом с ним негромкий голос Хасты. – Мне кажется, Господь Солнце удручен дерзким поведением дикарей. Возможно, он готов даже разгневаться...

– Так пусть он разразит их молнией! – с досадой отозвался нахх.

– Именно об этом я и хотел поговорить...

Ширам обернулся к жрецу:

– Ты о чем?

– Господь Исварха слишком занят, чтобы лично уничтожать ослушников, – объяснил тот, кося глазами в сторону своего короба с зельями, – но послать своего сына, громовержца Шиндру...

– А-а. – Ширам сразу смекнул, о чем речь. – Так яви же им Гнев Шиндры! Пусть устроятся!

– Гнев Шиндры? – громко переспросил Ха́ста. – Господин, ты хочешь уронить на нас солнце? Погубить землю ради нескольких зверей?!

Воины, ловчие и слуги настороженно затихли. Они понятия не имели, о чем идет речь. Даже Аюр в изумлении уставился на жреца. Что за гнев такой?

– Ослушники должны быть наказаны!

– Но это очень опасно...

– Я приказал – выполняй!

Огнехранитель дрожащими руками раскрыл короб. Ширам бросил Вараку:

– Скажи дерзким дикарям: если они не выполнят приказ, то будут уничтожены прямо здесь и сейчас. Останется одна зола. Серая, горячая зола!

Умги выслушал, пренебрежительно глядя на жреца, и прорычал что-то в ответ без малейшего страха.

– Он говорит, – перевел Варак, – здесь ваши боги ничего не могут. Здесь правят их поганые звериные духи...

– Тогда на них обрушится Гнев Шиндры. Готово, жрец?

Ха́ста осторожно доставал из короба что-то вроде человеческой головы, только маленькой – в половину настоящей. Раскрашенную, синюю, с тремя багровыми глазами и краснотупым смеющимся ртом... Из рта свисал длинный, блестящий черный язык.

– Падите ниц пред ликом разгневанного бога грома! – возгласил жрец. – Да обрушится его смертоносный гнев на тех, кто его не почитит!

Он осторожно передал голову Шираму, быстро прошептал:

– Только не забудь отбросить его подальше от себя, как только Шиндра начнет смеяться, иначе он откусит тебе руку!

Ширам выхватил голову у жреца из рук и поднял повыше.

– Смотрите, дикари! – прозвенел его голос. – Бог смеется над вами! Как бы вашим женам не пришлось над вами плакать!

На конце высунутого языка вспыхнул маленький огонек и с треском пополз вверх, к распахнутому рту.

Все попятились. Лишь наглый дикарь Умги остался стоять на месте, даже плечами пожать поленился.

– Кто не поклонится богу, тот погибнет! – внезапно завопил Хаста, ничком падая на землю.

Воины, все как один, бросились на землю. Что до рабов и слуг, кто тоже попадал, кто кинулся наутек, а кто застыл, ничего не понимая. Аюр и тот промешкал, зачарованно следя, как все короче становится огненный язык Шиндры. Сколько же он еще не знает о тайнах храма?!

Б-ба-а-ахх!

Полыхнула ослепительная вспышка, ужасный удар грома потряс окрестности. Огненная рука подхватила Аюра, пронесла над землей и швырнула в траву, осыпав грязью. Твердь содрогнулась, как будто пошевелился, роняя с плеч горы, сам Первочеловек... Откуда-то из глубин донесся глухой грохот. Земля снова качнулась... Все, кто пытался встать, вновь попадали. Постепенно к Аюру вернулся слух, но лучше бы не возвращался! Оглушительно трубили мамонты, дикари метались между ними и орали по-своему. Визжала гадательная собака, голосили рабы...

Постепенно улеглась пыль, холодный ветер снес дым, утихли крики. Остался лишь треск горящей травы да черное пятно посреди дороги. Арии осторожно

поднимались на ноги, с ужасом и изумлением разглядывая обгорелую яму в том месте, куда Ширам в последний миг отбросил голову Шиндры.

– Да восславится святое Солнце! – кашляя и утирая лицо, провозгласил Хаста. – Все целы? Господин, я предупреждал...

Ширам только сверкнул глазами в его сторону.

Все были живы, никто особенно не пострадал. Даже чересчур любознательный Аюр, которого ударом огненного ветра отбросило в траву. Больше всех досталось дикарям и их огромным зверюгам – их побил комями твердой как камень почвы.

Когда все понемногу успокоились, Ширам с удовольствием отметил, что колдовство выполнило свою задачу. У мохначей был очень подавленный, встревоженный вид. Уняв мамонтов, они что-то принялись втолковывать Вараку.

– Дикари покорились! – радостно объявил тот. – Они пойдут туда, куда повелит господин!

«Так-то!» – подумал Ширам, но согнал с лица ухмылку и строго сказал:

– Повинуйтесь, и все будет благополучно.

Дикарь добавил что-то еще.

– Он смиренно просит, пусть жрец огненного бога больше не баламутит Воды Гибели, иначе мы все умрем.

– Какие еще воды?

Мохнач молча указал на землю под собой.

Голос глины

Пласт глины голубоватой полосой проступал на буром илистом берегу ручья. Вот так подарок от водяниц!

Мазайка спрыгнул с плотины и принялся выворачивать его из песка. От ледяной воды ломило руки. Но все же достал, отмыл от ила и тины, взобрался снова на плотину и принялся комкать в ладонях.

Плотина была новая, только вчера ее поставили. Еловые бревна сильно пахли смолой. Быстрая речка Вержа, на которой стояло селение ингри, была с норомом – то разольется, то возьмет да русло поменяет. Особенно весной, когда с Холодной Спины в долины устремляются потоки студеной воды. А бывает, летом вдруг нахлынет, поднимется, затопит выгоны и огороды. Вот и поставили воде городню, вбили бревна в илистое дно, а между ними насыпали песка и мелких камней. Говорили уже, что лучше бы строиться подальше от воды, но как быть, если все селение с реки кормится?

Мазайка задумчиво посмотрел на ком глины. Разломил его надвое, одну часть отложил, а вторую принялся раскатывать в толстый блин.

Вокруг было еще совсем тихо. Все блестело от росы, над заливным лугом на другом берегу Вержи висел туман. И это летом! А осенью туманы здесь такие, что кажется, будто живешь в облаках.

Мальчик, прищурившись, поглядел на восход, где над белесым пологом тумана уже розовела громада Холодной Спины. Вот-вот проснется солнце – батюшка Юмо, взглянет добрым оком на свой мир, глубоко вздохнет и станет в землях ингри, покрытых сверкающей сетью ледяных ручьев, шумно, свежо и ясно.

За спиной мальчика тянулись огороды, упираясь в приземистые избы с поросшими густой травой крышами. Дальше, теряясь в тумане, маячил лес. На другом берегу ручья пестрело разнотравье, в высокой траве посвистывали ранние птички. Все спешило цвести.

Мазайка, склонив голову, вылепил из глиняного блина чашку с плоским донцем – будущее тело сойки. Осторожно проткнул в двух местах камышинкой. Тут важно

не ошибиться, иначе голос глины будет визгливый или сиплый.

У правильно сделанной сойки голос задумчивый. Как будто она вздыхает, прежде чем запеть. С ней всегда поешь вместе. Твое дыхание – ее голос и есть. Мазайка не любил, когда сойку тащили на посиделки и высвистывали на ней развеселые песенки. На ней хорошо играть одному, в лесу или на берегу укромного озера. Иногда, когда мальчик увлекался игрой, ему порой виделась прекрасная женщина, как мать, которую он не помнил, но рожденная из воды, тумана и прибрежной тины, беловолосая и синеглазая, украшенная речным жемчугом и плавучими цветами, – не иначе как сама Видяна, госпожа всех водяниц.

Мальчик свесился с плотины, сорвал камышинку потоньше и проткнул в боках почти готовой свистульки восемь дырочек – по четыре с каждой стороны. Осталось только высушить и обжечь в печи. Ах да, самое главное забыл! Острой щепкой Мазайка нарисовал на брюшке сойки спираль вихря.

– Прими дар, Варма, батюшка-ветер!

Камыши шевельнулись и ответили шелестом. В зарослях неподалеку возмущенно закричала утка, с шумом вылетела из зарослей и опустилась на воду шагах в десяти. Мазайка положил глиняный блин рядом с собой и внимательно поглядел в ту сторону. Не песок ли там скрипнул? Метелки камышей мерно покачивались над водой. Мальчик принюхался, ухмыльнулся и негромко свистнул. В ответ ему донесся резкий звук травянички.

Мазайка взял двумя руками раскрашенную синим сойку с раскинутыми крыльями, висевшую на ремешке у него на шее, поднес к губам. Сойка запела, подхватив простенький напев. Не пронзительно, как травяничка, а переливчато.

Из камышей поднялась рыжая голова.

– Как она так поет? Научи меня!

– Привет тебе, Кирья!

– И тебе привет, Мазайка! Шла к реке, глядь, а ты тут сидишь. Много ль рыбы наловил?

– Я не рыбу ловлю, а готовлю дар Господину Ветру, – ответил мальчик, поглядывая на подругу с любопытством.

Кирья легко взобралась на городню и уселась рядом, болтая ногами, обутыми в кожаные поршни. За спиной у нее висел плетеный короб. В руках Кирья держала свистульку из свернутого листа, которую тут же и выбросила. Ни удочки, ни остроги у нее Мазайка тоже не заметил.

– Далеко ли собралась в такую рань? – не выдержал он.

Девочка не сразу ответила, поглядела на приятеля и вздохнула. Мазайка выглядел как истинный ингри – белобрысый, скуластый, с узкими льдистыми глазами. Имя его и означало «красавчик». Кирья же была совсем другой. Маленькая и худая, глаза темные и сумрачные, глубоко посаженные, а волосы, напротив, кудлатые, вихрастые и рыжие, что у летней лисицы. Видать, боги ее такой неказистой создали, чтобы людям было над кем посмеяться!

Кирья помрачнела, вспомнив о своих обидах.

– Мне нынче не спалось, – заговорила она. – Как рассвело, так я и ушла на реку. Не хочу домой возвращаться.

– Что опять стряслось? – со вздохом спросил Мазайка.

Кирья нахмурилась еще сильнее, сжала тонкие губы.

– Братец Учай сказал давеча, что я никудышная. Тебя, говорит, никто и замуж не возьмет, – глядя на бегущую внизу воду, сказала она. – Я ему нечаянно горячей похлебкой на колени плеснула. А он обозлился и говорит – ну что ты за девка такая! Ты, говорит, и на человека-то не похожа. Диво лесное! Ничего, говорит, в тебе доброго нет, ни вида, ни нрава...

– Кто бы говорил! – фыркнул Мазай. – Он сам-то больше похож на хорька. А уж про нрав и вовсе промолчу...

Кирья фыркнула – в самом деле ее брат походил на хорька и ликом, и повадками.

– А старшак, Урхо, не вступился?

– Вступился, – еще мрачнее сказала Кирья. – Ничего, говорит, не возьмут, так невелика беда – будешь с нами вековать. Хоть ты и лесное диво, а мы тебя и такой любим.

– Ну молодец. Утешил! Но он не со зла.

– Да я знаю, что Урхо не со зла. А прочие?

– Что прочие?

– Думаешь, только Учайка такой злоязыкий? Я тебе просто не рассказываю. Девочки дразнят меня, – Кирья вздохнула, – то лисицей, то белкой зовут... Вот возьму да и уйду из дому!

– Куда? – недоверчиво спросил Мазайка.

– Да хоть в Ивовую кереметь! Попрошусь к добродеем в ученицы, вдруг возьмут?

Ее друг молча покачал головой.

– С чего ты решила, что в керемети легче будет? Знаешь, что про тамошние обряды рассказывают? Как начнут тебя добродееи в омут макать, покуда своими глазами всех водяников не увидишь...

– А ты почем знаешь? – недоверчиво спросила Кирья. – Туда же мужей не пускают.

Мазайка отложил сойку в сторону.

– В добродееи тебя не возьмут, – рассудительно, как взрослый, произнес он. – Они там при кереметях и живут поколениями, у них свои роды. Там детей с

младенчества посвящают богам. Вспомни Ашега, жреца Вармы с Лосиных Рогов, – думаешь, для чего он дочь растит, для чего учит ее с лесными духами разговаривать и петь славословия в Доме Ветра? Чтобы потом отдать за рыболова?

– И куда мне деваться? – горько воскликнула Кирья. – Так и быть при отце и братьях? Мне такая жизнь не по нраву. День за днем по кругу ходит... Я так не хочу. Знаешь, какой сон мне недавно приснился? – Кирья робко взглянула на друга. – Золотые корабли летят по небу, раскинув крылья... И голос что-то шепчет в ухо – да так явственно! Я проснулась – и сама словно крылатая стала. Сердце колотится, кровь так и стучит в висках, будто меня позвали, а кто, куда – не знаю... Не веришь?

– Отчего ж, верю, – кивнул Мазайка. – Меня Дядьки тоже неслышимо зовут. Я всегда знаю, когда им нужно меня увидеть... – Он поглядел на девочку с любопытством. – Тот голос, что он шептал-то?

– Я не знаю. На чужом наречии.

Кирья вздохнула, сняла с плеч короб, поставила рядом.

– Думаю, боги тебя сами найдут, если ты им нужна, – сказал Мазайка. – А этим ребятам, кто дразнится, скажи... Я им...

– Что ты им? – Кирья покосилась на малорослого парнишку.

– Скажи – Мазай, внук Вергиза, велел, чтоб молчали. Иначе к ним ночью гости придут поговорить...

Кирья бросила взгляд на пояс приятеля, за который была заткнута костяная дудочка-манок, вырезанная в виде скалящейся звериной головы. Все ребята в селении знали, что это за дудочка, но лишь охотникам, и то не всем, доводилось слышать ее пение. Да никто особо и не рвался... Сказки о том, как кто-то сдуру решил проследить за Дядьками в их владениях, а потом нашли в лесу только его обглоданные кости, были любимейшими на посиделках темными зимним вечерами.

- Не трогай, - предупредил Мазайка.

- А я бы поглядела, как ты их зовешь, - сказала Кирья. - Может, и меня научишь?

- Что?!

- Я хочу уметь что-то такое, чтобы меня никто не обижал. Как тебя.

- Не знаешь, о чем просишь, - отмахнулся парень. - Дядек призвать - это лишь начало дела, а вот чтобы они потом добром ушли... А что до защиты, так у тебя отец есть и братья - какая защита лучше? А у меня - только дед...

- Ничего себе «только»!

Дед Мазайки хоть жил наособицу, в глухой чаще, а был важным человеком в роду Хирвы. Порой и жизнь, и безопасность всех зависели только от него. В последние годы он одряхлел и вовсе не появлялся в селении, однако успел обучить внука весьма многому. Сможет ли Мазайка когда-нибудь заменить его?

- Не уходи в кереметь, - повторил он. - Подумай, как отец горевать будет.

- Твой дед всем нужен, и ты тоже, - вторя его мыслям, ответила Кирья. - А я никому тут не нужна. И зачем я на свет уродилась...

Мазайка посмотрел на загрустившую подругу и внезапно решил:

- Научить призыву - не могу, это великая тайна. А показать тебя Дядькам могу. Со мной они тебя не тронут... Не забоишься?

Глаза Кирьи вспыхнули, она быстро замотала головой:

- Когда пойдем?

- Скоро. - Мазайка поглядел на тающее, уже совсем прозрачное око луны в небе. - Может, даже нынче ночью... А чем это так вкусно пахнет у тебя из короба?

Кирия засмеялась, вынула из короба только что испеченную ковригу. Половину отдала другу, а вторую кинула водяницам. Коврига поплыла, кружась, и скоро утонула. Дети сидели рядом, беспечно жуя вкусный хлеб, и глядели вдаль, на темную громаду, из-за которой уже показался ослепительный край солнца.

– Я порой думаю, – сказала Кирия, – вот бы туда забраться! На самый-самый верх!

– Туда?!

Мазайка прищурился, подставляя лицо ветру. В этом ветре – студеном, горском – даже в середине лета всегда ощущался привкус льда. Недаром огромную, длинную гору, что дыбится на востоке, прозвали Холодной Спиной.

– Ну уж нет, – сказал он. – Чтоб меня там съели? Туда даже Дядьки не ходят, что уж наши охотники...

Он представил себе бескрайние плоскогорья, поросшие высокой рыжей травой. Ни единого деревца там не видать, некуда спрятаться, все на виду – от одной мысли мурашки по коже! А среди трав крадутся жуткие хищники с клыками в руку длиной, бродят огромные горы мяса и меха – клыкастые мамонты, кочуют зверолоуди-мохряки, их дикие погонщики. Мохряков ингри очень опасались – те же звери, только на двух ногах. Они, по слухам, поклоняются всякой нечисти и людей едят.

– А куда Вержа течет? – Мысли Кирии обратились в другую сторону. – Вниз по течению, за дальним мысом – Ивовая кереметь, а потом куда?

– На тот свет, – уверенно ответил Мазайка. – Это всем известно. Дотекает до края земли и падает прямо в Нижний мир.

– И на закат нельзя, – с досадой произнесла девочка. – Здесь мне никто не рад, и самой безрадостно. А уйти-то и некуда...

– Всегда есть куда, – возразил Мазай. – Только что ты будешь делать в чужих краях одна? Ну сама подумай. Это же хуже, чем там, на горах, очутиться, – стоишь на открытом ветру, и всякий зверь тебя сожрать готов.

– А если этот зверь и есть твой родич? – еле слышно пробормотала Кирья.

Озаренная солнцем огромная гора притягивала ее взгляд и думы. И снова, как во сне, ей почудилось, что кто-то смотрит на нее и зовет, – но кто, откуда?

– Дай-ка сойку, – попросила она.

Мазайка пожал плечами и протянул ей синюю птичку с раскинутыми крыльями.

– Эта простенькая, а вот та, что я сейчас слепил, будет певучей...

Кирья опустила ресницы, поднесла сойку к губам и слегка дунула, согревая глину дыханием.

И, словно в ответ, ей пришел могучий порыв с северо-востока, посреди лета пробирающий морозом, будто выдох огромного снежного зверя.

Восходящее солнце потускнело, будто зашло за тучу. Воздух над горами вдруг задрожал, подернулся дымкой и осветился изнутри. Мазайка поглядел на небо и вдруг замер, пораженный.

– Ты это видишь, Кирья?!

Что это в небе – не Варма ли ветер раскинул свой плащ из медвежьей шкуры? Нет, это перевернутое плоскогорье, словно расшитое узорами бесчисленных речушек и ручьев! Какие-то точки, словно блохи ползут... нет, это не блохи, это же мамонты! Кирья и Мазайка сразу узнали их, хоть живьем никогда и не видели. Идут чередой, плавно покачивая хоботами. Рядом ковыляют приземистые косматые дикари в шкурах. Колышется на студеном ветру высокая трава. Впереди – самый огромный белый мамонт. А на спине у него – избушка! Да какая разукрашенная! А что там блестит?

– Мохряки! А с ними – люди в скорлупе! Как много, целое племя! – воскликнул Мазайка. – По воздуху идут, прямо к нам! Видишь, видишь?!

«Вижу!» – хотела отозваться девочка. Но не успела – рыжие травы бросились в лицо, как будто она упала ничком в траву. Расступилась земля, стало темно.

Бегут ручьи, сочатся сквозь суглинок, сквозь мерзлоту, сливаются в потоки, рушатся водопадами в гигантские ледяные полости, от создания мира не выдавшие солнечного света. Точат себе дорогу, словно жуки в дереве. Пробираются среди корней и костей, сквозь перегной и слои слежавшейся хвои и снова выходят на солнечный свет – в тумане хвойных лесов... Даже летом вынося на поверхность осколки льда...

Осколки всё крупнее, вот уже весь ручей ими запружен... И вот где-то в мрачной глубине стена льда идет трещинами, и в пещеру врывается свет. И вечный мрак озаряется ослепительным, переливчатым, ярко-синим сиянием!

Видения обрушились на нее снежной лавиной. Где-то откалывается и рушится целый снежный склон, ломая, как соломинки, столетние сосны... Дикими скачками несутся какие-то страшные, невиданные лесные звери, уходя от белой смерти...

Кирья свалилась бы в воду с плотины, если бы Мазайка не поймал ее за руку. Тут она распахнула глаза, приходя в себя. Что случилось?! Над горами голубело ясное небо. Вдалеке снова что-то глухо пророкотало, словно отголосок далекой грозы...

– Боги явили нам дивное! – возбужденно воскликнул мальчик, указывая на Холодную Спину, над которой мирно всходило солнце и не было уже никакого медвежьего плаща в небе. – Надо сказать жрецу!

Кирья не отвечала. Она провела рукой по лбу. По коже девочки вдруг побежали мурашки, стало холодно и мрачно, как будто среди ясного неба набежала угрюмая туча. Что это было за знамение? Может, боги наконец услышали ее жалобы? А если услышали – к добру ли?

Мазайка протянул руку, чтобы забрать сойку, и вдруг замер, глядя на воду.

– Льдины плывут, – сказал он напряженно.

Река прямо на глазах наполнялась ледяным крошевом. В том месте, где Мазайка копал глину, на берег накатилась волна. Потом еще одна.

– Паводок! – воскликнул мальчик, вскакивая на ноги. – Бежим!

– Стой, ты куда?

– В селение! Надо предупредить...

Новая волна, посильнее прежних, ударила в плотину, и та закричала.

– Скорее!

Они соскочили с плотины как раз в тот миг, когда накатилась следующая волна, быстро затапливая берег. Кирью вода сбила с ног, подхватила, понесла. Она погрузилась под воду, миготом потеряв верх и низ. Только и успела ощутить непреодолимую силу потока – как будто великан лениво подтолкнул ее огромным пальцем.

Она вынырнула, задыхаясь, – тут ее поймал Мазайка, выволок из воды, потащил в горку. Оказалось, там всего-то было по колено. Но вода все прибывала. Они выбрались на высокий берег, мокрые и вымазанные в грязи. От домов уже неслись испуганные крики. Вода подступала, заливая берег, затапливая прибрежные баньки и унося лодки.

– До изб не дойдет, – задыхаясь, сообщил Мазайка. С сожалением он посмотрел на уже покосившуюся, расплзающуюся городню. – Эх, только вчера закончили!

Кирья подняла взгляд, посмотрев на Холодную Спину. Она вдруг представилась ей огромным многоруким существом, протянувшим длань к землям ингри, к ее родному дому.

Глава 4

Дядькин пригорок

Кирья опасалась, что после утреннего паводка и утомительной борьбы всем миром с причиненными им разрушениями Мазайка уже никуда не пойдет и не позовет ее с собой. Но на всякий случай, как стемнело, выскользнула из избы и направилась к лесу. Обычно в этот час отец и братья уже ложились спать после дневных трудов, но нынче они были слишком заняты, и никто ее не остановил.

Огородами и пастбищем она добралась до условленного места – приметной раздвоенной сосны на опушке леса – и радостно вскрикнула, когда из папоротников поднялась белобрыся голова ее друга.

– Я уж решил, ты не придешь, – сказал Мазайка, поднимаясь с земли. На боку у него висела большая, пахнущая вяленным мясом сумка. – Думал, твой отец или кто-то из братьев тебя задержали...

– А, им сейчас не до меня! – беспечно ответила девочка. – Братья весь вечер ругались и спорили, кто виноват в том, что размыло плотину. А сейчас все старшие в общинном доме – пришла важная жрица из Ивовой керемети, сказала, что желает говорить с большаком... Ох и чудно выглядит эта добродеея, какие страшные у нее глаза! Я бы и сама ее послушала, но батюшка сказал, что меня туда не пустят.

– Зачем она пришла? – пробормотал Мазай. Ему стало тревожно. Ясно, что паводок добрался до керемети и наверняка учинил разорение и там. Не вздумали бы жрицы обвинить в нем ингри...

Он постарался выкинуть тревожные мысли из головы. Дядьки сразу же учуют и страх, и тревогу, а он должен быть уверен в себе и спокоен. Мальчик поглядел на небо, где в легких синеватых облачках сквозила луна. Нынче не время для споров – сегодня у него дело поважнее.

«Если они зовут тебя, никогда не пропускай зов. Пропустишь раз, другой, а на третий раз Дядьки не позовут и сами не придут – так говорил дед Вергиз. – И уже не докличешься их...»

Взявшись за руки, дети пошли по тропе среди сосен. Эта тропа была не слишком-то хоженной, хоть и очень древней, – она вела напрямиком к Дому Дедов.

Кирья никогда тут прежде не бывала, и теперь ей было не по себе. Именно сюда переселялись старейшие ингри, когда им приходил срок, – в тесные, замшелые бревенчатые избушки без окон и без дверей, поднятые высоко над землей, чтобы лесные звери не могли до них добраться и потревожить покой высыхающих костей. Вот тропа нырнула в темный овраг, сам по себе казавшийся вратами в подземный мир. С обеих сторон тропы топорщились раскидистые, в пол человеческого роста заросли папоротников – это колдовское растение, проросшее прямо из мира костей и корней, звалось у ингри «ложом умершего».

Не просто так ингри хоронят своих мертвецов на деревьях – они возвращают их тела земле и лесу, а души – Мировому Древу. А уж дальше боги сами разберутся, куда пойдет душа. Хорошая – в Крону и свет, вкушать золотые яблочки. Злая, дурная – к Корням, в перегнутой и тьме.

Тропа вынырнула из оврага, пошла вверх. Кирья наконец разглядела в сумраке темные четырехугольные пятна на деревьях, и слева, и справа. Повеяло плесенью и тленом... Вот они, посмертные избы дедов. Страшное, молчаливое место! Даже ветер тут какой-то нездешний – словно дует из темных, полных чудовищ подземных лесов, где светятся во мраке их голодные красные глаза... И папоротники шелестят, слово шепчут злые наговоры...

Ладони Кирьи вспотели, и она крепче сжала пальцы Мазайки.

– Не бойся, – тихо проговорил он. Мальчик не раз и не два ходил ночью этой тропой и знал, что не мертвых следует им нынче опасаться. – Чего ты? Это же наши деды и бабки, они нас оберегают! Чуешь, как они смотрят на нас?

– Да, – содрогнулась Кирья. – Мне кажется, я слышу их. «Ты чужая» – вот что они бормочут. «Зачем ты здесь? Уходи!»

– Как же ты чужая? Опять злых девчонок наслушалась? Не выдумывай, – отмахнулся Мазай, но на всякий случай ускорил шаг.

Вскоре деревья начали редеть. Темные четырехугольники пропали, стало светлее. По земле протянулись белые полосы лунного света. Тропа вышла на гору – круглый холм, озаренный луной. Сердце Кирьи забилось быстрее. Наконец-то она увидит тех, кого призывает манок – звериная голова!

Они поднялись на самую вершину холма. Девочка тихо вскрикнула, чуть не наступив на расколотую бедренную кость. Земля была усеяна ими – звериные черепа, ребра, обглоданные мослы...

– Это щенки игрались, – успокаивающе произнес Мазайка. – Сейчас они уже выросли... Стой здесь и держись ко мне поближе. Будь смелой. Иначе Дядьки почуют твой страх...

– Я не боюсь, – одними губами прошептала окаменевшая от такого подбадривания Кирья.

Мальчик достал из-за пояса вырезанную из кости короткую дудочку и поклонился на три стороны.

– Дед Хирва, отвори врата Зеленого Дома, выпусти своих ночных псов!

И подул в манок. Над лесом полился долгий переливчатый звук, очень похожий на тонкий, заунывный вой.

Зов отзвучал, и стало тихо – куда тише, чем до него. Кирья стояла как каменная, только глаза ее бегали, да сердце колотилось. Откуда придут Дядьки?

И все равно она пропустила миг их появления. Да и никто бы не заметил, как из ночных теней между деревьями, будто клочья тумана, проступили очертания звериных тел. Даже когда Дядьки словно потекли вверх по склонам холма, Кирья сомневалась, привиделись они ей, или это в самом деле пришли древние волки, хранители их рода. Никто никогда не видел их при дневном свете, и мало кто смел упоминать их другое имя – Ночные Гости, – оставшееся с тех времен, когда Дядьки и ингри еще не считали друг друга родней.

Они поднялись беззвучно на холм и один за другим улеглись в нескольких шагах от Мазайки, будто ожидая чего-то. Кирья глядела во все глаза, замерев, стараясь не дрожать от страха. «Я не боюсь, я не боюсь», – крутилось у нее в голове. Порой туда стучалось предательское «а если вдруг?», но она гнала из сердца непрошенные сомнения.

Дядьки были огромны, куда больше самого крупного из обычных волков. Толстые и могучие лапы, широкие челюсти и большие лобастые головы придавали их облику нечто жутковатое и в то же время щенячье. Но рассмотреть их толком было невозможно – их переливчатая шерсть, то непроглядно-черная, то серебристая, окутывала их туманной дымкой. В тени их было не видно вовсе, при свете луны они казались призраками, особенно когда не двигались.

Последним на холм поднялся вожак, матерый самец. Он поглядел на Кирью пристальным взглядом, который показался ей почти человеческим, и чуть приоткрыл зубастую пасть. Его холодные желтые глаза вдруг словно потеплели, когда вожак увидел Мазайку. Он бросился к нему так стремительно, что у Кирьи чуть не подкосились ноги от ужаса. Однако ее спутник явно ждал этого и вовремя подставил руки. Вожак водрузил свои лапы ему на плечи и начал облизывать лицо.

– Здравствуй, здравствуй, дружок! – с трудом удерживая мощного волка, с улыбкой приветствовал его Мазайка. – Она со мной, ее не трожьте!

Вожак уселся рядом и, как показалось Кирье, согласно кивнул.

– Вот, получай свое лакомство!

Мазайка достал из висевшей на боку объемистой сумки довольно крупный пахучий шарик. Волчья челюсти клацнули, и шарик исчез в пасти.

– Что это? – шепотом спросила девочка. – Охотничья дорожная еда?

– Она самая, – кивнул Мазайка. – Дядьки ее страсть как любят. Там и мясо, и жир, и черника сушеная, и мед... Ну что, еще хочешь, друже?

Волк снова открыл пасть.

– Ну на? тебе еще. Только смотри, я на всех принес. Зови длинноухую.

– Длинноухая – это кто?

– Мать-волчица. Она после вожака первая кормится. Так от века повелось. Ты погоди, вот у них волчата пойдут – у меня дел прибавится...

– Какие ж тут дела? – спросила Кирья, глядя, как волки один за другим подходят к мальчику.

Несмотря на явное нетерпение, они строго блюли порядок старшинства.

«Надо же, как у людей за столом – сперва батюшка, потом остальные», – подумалось ей.

– Ясное дело какие. Стая их уму-разуму научит – охотиться, прятаться, по лесу ходить бесшумно, на луну выть – всему, чему положено. А обучить их повиноваться людской воле да манок мой слушать – тут уж мне надо потрудиться. Им же от века это не предписано – стало быть, приучать их надо со щенков. Я ведь тут полстайи на руках носил!

– Волчат?

Мазайка нежно улыбнулся.

– Ты бы их видела, до чего славные! Они пока маленькие – ласковые, ко всем бегут, а чем старше, тем недоверчивее. Зато уже если привязались к тебе в детстве, так на всю жизнь.

Кирья смотрела на друга с восхищением. Страх ее отступил. Конечно, все знают, что Дядьки – лесная родня. Что стая живет рядом с ингри со времен прадедов. И все же, все же! Какая нужна отвага, чтобы водиться с Ночными Гостями, какая воля, чтобы они приходили на зов и слушались. Они ведь умные и гордые звери, страшные в бою и на охоте. Но они делают то, что скажет им волчий пастырь.

– Как так вышло, что Дядьки твою родню слушаются? – спросила Кирья.

– Меня с детства учили. И дед мой Вергиз так делал, и мне так завещано. Волки, они же не псы – их сколько ни корми, они имеют свою волю. Так что надо их приучить, что над их волей моя всегда главнее.

– А с чего началось-то?

– С холодной весны, – ответил мальчик. – Дед рассказывал: как-то один из наших пращуров, чуть ли не сам Хирва, пошел в лес силки проверять. А в том году все никак не теплело, долго снег лежал. Вот он ходил-ходил да и наткнулся на волчье логово. А в нем – волчица и волчата. Большие, головастые, лежат тихо, как невидимки. Пращур их тронул – а они мертвые, только те, кто в середине лежал, еще живы...

– Погоди, а как же волчица?

– Волчица отдала их...

– Да быть того не может!

– Может, – ответил Мазайка. – Ты и не представишь, до чего они умны.

Пращур забрал волчат, отогрел и вырастил... Так и повелось: как весна запаздывает, так люди моего рода забирают волчат в избу. Иначе у Дядек весь помет вымерзнет. Видать, раньше-то в наших краях потеплее было...

– Что ж они не ушли в теплые края? – подумала вслух Кирья.

– Может, другие стаи и ушли. Или погибли. А эти остались, потому что ингри не дают им помереть. Как холода не уходят, так Дядьки сами нам волчат тащат...

Кирья покачала головой. Звучало все это как сказки. Но вот они, Дядьки, – глядят на нее, как будто нарочно взгляд ловят. Один из переярков, разглядывавший гостью и так и этак, в конце концов подтолкнул к ней носом старую кость, и Кирья явственно ощутила исходящий от него вопрос.

«Что он хочет от меня? Угощает, что ли?»

Молодой волк посмотрел чуть ли не лукаво, склонил голову набок, и сразу стало ясно – играть!

– Понемногу приучали волчат к манку. А потом, как подрастали, в лес их выпускали, – продолжал свой рассказ Мазайка. – И тут уже другое дело – от селения их отвадить. Шутка ли – прямо за околицей ночами бродят такие страшилища! Их ведь долго нечистью считали, сродни древним зверям из Лесной Избы, – да я думаю, в этом много правды...

Черные волки один за другим подходили к Мазайке, и для каждого из них у него находилось угощение и почесывание за ухом. У Кирьи уже руки так и тянулись прикоснуться к густой волчьей шерсти. В лунном свете казалось, что она легкая и нежная, словно пух. Но она не осмеливалась. Кто ж не знает, как волки добычу режут? А этакий хищник, пожалуй, одним движением руку отхватит!

– Но Дядьки – понятливые. Больше они в деревню не ходили, а только сюда, на гору, – закончил Мазайка. – А уж потом стая разрослась, тут-то и выяснилось, что они и в охоте помогают, и от других лютых зверей селение берегут. Да не только от зверей. Видеть-то их никто не видел, но наслышаны все. Какой злодей к нам ползет, зная, что тут Ночные Гости покой стерегут?

Наконец, прихрамывая на заднюю лапу, к Мазайке подошел самый старый волк. Внук Вергиза скормил ему остатки угощения. Зверь ткнулся ему носом в ладонь, выказывая благодарность и спрашивая, нет ли еще немножко еды.

– Мало ему осталось, – вздохнул Мазайка, глядя на тощие и облезлые бока старого волка. – Когда дед меня первый раз привел, клыкач ох как силен был! А потом беда приключилась – деревом ему лапу придавило. Мы с дедом лапу ему выправили, но не до конца – вишь, ковыляет? С той поры он не охотится, за молодняком следит... Он ведь и нынешнего вожака научил меня слушаться. Он хорошо помнит и деда, и голос манка. Порой боюсь: вот придет новый молодой и дерзкий да и откажется меня слушаться. Даже и не знаю, что делать буду...

Вдруг Дядьки подняли головы и все, как один, повернулись в сторону оврага. Кирья увидела, как приподнялась верхняя губа у вожака, обнажая ярко белеющие в лунном свете клыки.

Мазайка, прищурившись, поглядел в сторону оврага и с досадой воскликнул:

– Да зачем же они сюда-то появились? С огнем еще!

Теперь и девочка заметила – среди деревьев вдалеке двигались огоньки.

– Сюда же нельзя... – Мазайка быстро поднес к губам манок и издал короткую трель.

Дядек как ветром сдуло. Миг – и на пригорке никого.

Огни приближались. Стали слышны голоса.

– Сколько там народу!.. – пробормотал с тревогой Мазайка. – Нехорошее дело...

Наверх, на холм, однако, старшие не пошли, почтительно остановились внизу.

– Кирья! – раздался издалика зычный голос.

– Батюшка? – пробормотала она с удивлением.

– А ну иди сюда! Тут до тебя дело есть!

Среди людей, толпившихся близ холма, обнаружилось чуть ли не половину родичей. И не только родичей. При виде женщины, стоящей впереди всех, сразу стало ясно, кто осмелился привести ингри на запретный холм, пренебрегая всеми обычаями.

Ее прозвище было Высокая Локша. Немолодая женщина с прямой спиной, огненным взглядом и сурово сжатыми губами. Длинные полуседые волосы распущены по спине, на голове – расшитая речным жемчугом повязка, у висков покачивались подвески-уточки. Поверх длинной, богато вышитой рубахи Высокая Локша не носила юбки-поневы, как все женщины, только душегрейку и пояс с подвешенным к нему ножом, однако не только не выглядела нелепой, а напротив, все вокруг казались оробевшими в ее присутствии.

Высокая Локша была добродеея – знающая женщина, настолько угодная речным богам, что достойна кормить их вареным мясом и теплой кровью. Еще она устраивала моления, лечила живых и провожала души в Дом Дедов. В деревне она бывала редко и только когда случалось что-то очень важное.

Резким движением Локша ткнула пальцем, указывая на Кирью:

– Вот она!

Борода Толмая, вождя рода Хирвы, уже поседела, но широкие плечи и зоркий взгляд говорили о могучей жизненной силе, которой далеко еще до истощения. Лучше его охотника не было в селении.

Весь прошедший день до заката ингри провозились в медленно отступающей ледяной воде, пытаясь спасти то, что могло уцелеть, огорченно глядели на вывороченные бревна городни и бранились между собой. Все ли было сделано как следует? Старший сын Толмая, силач Урхо, сокрушался, что бревна надо было вбивать глубже. Младший, дерзкий Учайка, спорил с ним, намекая на колдовство и порчу. Глава рода помалкивал, задумчиво глядя поверх голов на речку и темнеющий на дальнем мысу лес. Он ждал оттуда неприятностей – и дождался.

– А я первый сказал, что богов прогневили, – приглушенно прозвучал в толпе голос Учая.

– Так и есть, – громко произнесла в тишине Высокая Локша. – Нельзя призывать богов тому, кто ими не избран! Они за дерзость весь род карают.

Вытянутый палец ее взметнулся и уперся в оторопевшую Кирью.

– Как ты посмела взывать к богам, дева? Или ты посвященная добродеея?

– Я не взывала... – начала Кирья и осеклась под пристальным взглядом ведуньи.

– А может, это я виноват? – выступил побледневший Мазайка. – Я глину под плотиной копал...

– Она, она, – уверенно повторила ведунья. – Я вижу. У нее отравленная кровь, или сами не чувствуете? Да что я спрашиваю, куда вам...

По толпе пронесся ропот. Кирья невольно съежилась под злобными, испуганными и неприязненными взглядами. Да и какие они ей сородичи? Даже Дядьки не смотрели на нее так недобро!

- Погоди-ка, ведунья, - выступил вперед Толмай. - Сейчас я ребят попытаю. Вы были утром на городне, когда нахлынула вода?

- Были, - признался Мазайка.

- И что там делали? Рыбу ловили?

Мальчик помотал головой.

- Я новую сойку лепил. Кирья рядом сидела...

- Просто сидела? - язвительно спросила Высокая Локша. - Не лги, отрок, я рыб спрошу, они мне правду расскажут!

- Это правда!

- Кирья, ты что скажешь? - повернулся к дочери Толмай.

Девочка мрачно промолчала.

- Что ты делала на плотине? - сурово повторил вопрос отец.

- Ничего дурного она не делала! - воскликнул Мазайка. - Только один раз...

Рука его сама дернулась к синей глиняной птичке, висящей на груди на кожаном ремешке.

- А ведь говорят - не свисти у воды, не дразни водяниц! - первым догадался Учай.

- Вот и выяснилось, - удовлетворенно кивнула Локша. - Она насвистела паводок! Верно говорю - на ней порча!

Тут уж все шарахнулись от Кирьи, как от заразной, чтобы ненароком, не приведи боги, не коснуться. Кроме Мазайки, конечно, – тот лишь крепче сжал ее ладонь.

А ведунья, повернувшись к Толмаю, властно сказала:

– Отдай ее нам, большак. Вода под священными ивами все очищает. Даже отравленную кровь...

Кирья попятилась, прижимаясь к Мазайке. Странное дело – еще утром она сама собиралась в кереметь и даже мечтала о том, как ведуньи примут ее к себе как одну из них. Но сейчас даже мысль о том, что добродеея заберет ее и будет каким-то колдовством отмывать ее «отравленную» кровь, внушала ей ужас.

– Батюшка, не отдавай меня, – прошептала она, умоляюще взглянув на Толмая.

Вождь рода Хирвы нахмурился. Самоуправство добродееи в его селении не очень-то ему нравилось – пусть у себя в керемети распоряжается! Тем более речь шла о его дочери. Он заметил и быстрый взгляд Мазайки, брошенный в сторону леса, и то, что в руке мальчик все еще держал свой звериный манок... Толмай поднял голову и поглядел на восход, где, скрытые ночной тьмой, высились поросшие соснами крутые Лосиные Рога. День и ночь там, на самой вершине, нездешние голоса поют славу Варме, Господину Ветру...

– Дай-ка мне ту свистульку, – велел он Мазайке.

Тот послушно снял с шеи синюю сойку.

– Посветите мне! – Большак перевернул птичку и указал добродеее на знак вихря у нее на брюшке. – Вон оно!

– Что там? – сварливо спросила ведунья.

– Ты была права, знающая. Тут нужно слово богов. Но не в керемети. Водяницы тут ни при чем. Мы отведем детей в Дом Ветра, к Ашегу, жрецу Вармы.

Мазайка переглянулся с Кирьей. Того не легче!

– А сейчас домой пошли оба, – произнес Толмай. – Мазай, у меня заночуешь. А утром вместе пойдем к Лосиным Рогам.

Вскоре все побрели обратно, шушукаясь между собой. Одна Высокая Локша осталась недовольна, однако спорить с Толмаем не стала. Лишь сказала ему:

– Попомни мои слова, большак, в крови этой девы – смертоносная сила, с которой ей самой не совладать! Она еще накличет на нашу землю зло...

Глава 5

Ширам, саарсан накхов

Колючие Горбы – так мохначи называли лесистые предгорья, куда понемногу спускалась тропа с холодных равнин Змеиного Языка. Да и тропы там толком не было. Погонщики выбрали путь вдоль одного из бесчисленных ручьев, сбегаящих в долины. Поросшие травами просторы скоро сменились склонами, изборозженными следами осыпей, утыканными обломками скал. Крошечные кривые деревца, стелившиеся по земле, чтобы укрыться от ветра, робко начинали выпрямляться. И вот уже по обеим сторонам ручья во весь рост встали высокие раскидистые ели.

Мохначи прозвали эту местность Колючими Горбами вовсе не в похвалу. Им тут было не по себе. Как можно жить среди стоящих глухой стеной деревьев и громоздящихся повсюду валунов? Ведь всякий миг из-за ближайшей ели может броситься хищник, или вылетит стрела злобного лесовика! Да и за братьев-мамонтов мохначи переживали – ходить по каменным осыпям неудобно и опасно, повредить ногу – легче легкого. Хорошо хоть нашли русло наполовину пересохшего по летней поре ручья, устеленное мелкой, обкатанной галькой. Сам ручей, холодный до ломоты, тихо журчал посередине.

– А хорошо, что сейчас не весна, – проворчал Дакша, переступая через торчащий из земли острый край скалы.

– Почему? – весело спросил Аюр, шагающий рядом налегке. В руках царевич нес лук и поглядывал по сторонам в поисках какой-нибудь случайной добычи – птицы или белки.

– Нас бы попросту снесло потоком. Представляю, что тут творится в сезон таяния! И так-то глянь, господин...

Охотник повел подбородком в одну сторону, потом в другую. Не нравилось ему именно то, что Аюра и прочих ариев восхищало, – водопады! Они грохотали повсюду. Некоторые, вдалеке, падали с огромной высоты, их белые струи с глухим ревом разбивались где-то внизу среди деревьев, и над ними висело облако тумана. Другие сочились прямо из-под ног, убегая по скалам, словно по ступеням вытесанных горными богами лестниц, – звенели, булькали, рокотали...

– До чего же тут красиво! Я назову эту местность – Гремящий край! – торжественно заявил Аюр.

Он был наконец доволен путешествием. Вот это совсем другое дело, не то что надоевшие бесконечные переходы по унылым плоскогорьям!

Старый охотник не был с ним согласен.

– Нехорошее место, – покачал головой он. – Лучше бы нам скорее выбираться отсюда. Вон там, видишь, солнцеликий?

Он указал на юг, где на солнце слепяще сияла острая вершина горы. Вдруг глухой далекий гром прокатился, сотрясая воздух, и целый склон пугающе медленно пополз вниз, обнажая белоснежное нутро горы.

– Ого, там был лед! – воскликнул Аюр, замороженный величественным зрелищем.

– Поднимемся повыше, – приказал Ширам, который сам вырос в горах и знал, чем чреваты подобные оползни.

Они ушли из русла ручья, на случай если оползень вызовет паводок. Но паводок, если и был, прошел стороной.

Ручей внезапно оборвался крутым уступом – пришлось искать обход. Зато с обрыва на запад раскинулся вид до самого края земли – мягкие лесистые холмы, волнистые дали, плавно перетекающие из зеленого в голубой и теряющиеся в дымке на кромке земли и неба.

– Вот и он, Затуманный край! – Дакша покопался в памяти. – Ингри – так зовут себя эти племена. Они считают себя потомками то ли лосей, то ли волков...

– Обычное дело у дикарей, – заметил Джериш, насмешливо поглядев на Ширама. – У них каждый род ведет начало от какого-то зверя.

– А как они называют свою землю, не припомнишь? – спросил охотника Аюр.

– Ингри-маа – Прекрасная мать-земля.

– И они правы! – заключил Джериш, подходя к краю уступа, глубоко вдохнул и заорал во всю мощь:

– Э-ге-гей!

Воины подхватили клич. Над лесным краем полетело, многократно повторяясь, эхо. Позади в горах что-то словно проворчало в ответ.

– Заткнитесь! – резко повернулся к ним Ширам. – Хотите сорвать лавину?

– Откуда тут лавины? Эти горы в разы ниже снежного Накхарана. Бояться нечего, – с насмешкой ответил Джериш.

– А давай еще что-нибудь крикнем? – воскликнул Аюр.

Джериш бросил на накха лукавый взгляд и запел во весь голос:

Не ходите, девы,

На реку купаться!

Змей узнает, где вы, –

Сможет подобраться!

Голос у начальника Полуденных Жезлоносцев был такой мощный, что о приближении Охоты Силы могли бы услышать и спящие в берлогах медведи.

Обовьет он ноги

Да ухватит груди.

Ой, спасите боги,

Помогите люди!

Телохранители разом грянули припев. Ширам поморщился от досады.

Ему казалось, что Джериш прекрасно видит, насколько это пение ему не нравится, и потому нарочно дразнит его, стараясь горланить во всю мощь. А почему бы и нет? Ведь царевич Аюр и сам беспечно подхватывает веселые слова не слишком пристойной песенки.

Ширам припомнил их первую встречу – вечером того самого дня, когда повелитель Ардван назначил его руководить Охотой Силы. Тогда он и увидел своего будущего соратника в первый раз. Вернее, в первый раз толком рассмотрел его. Прежде ему доводилось встречать могучего арию во время смены постов – теперь же они сошлись глаза в глаза в караульном помещении дворца правителя. Джериш хлебал из миски пряную похлебку. Увидев в дверях Ширама, он лишь косо глянул на него, не предложив ни войти, ни разделить трапезу.

– Царевич Аюр отправляется на Охоту Силы, – начал Ширам, решив сразу перейти к делу. – Главой охоты назначен я. Это приказ государя.

– Знаю. А сейчас иди, не мешай есть.

«Ах вот как!» – подумал Ширам и сказал:

– Послушай – я знаю, что по праву и обычаю Охотой Силы должен был руководить кто-то из высших ариев. Но не я принимал решение, не я давал советы государю. И ты, и я выполняем его приказы. Надеюсь, мы поладим. Хотя бы чтобы выполнить приказ наилучшим образом.

Джериш молча отодвинул миску, бросил в нее ложку и встал, разводя плечи. Макушка Ширама едва достигала его подбородка.

– Нет, ты послушай, накх. Конечно, ты не даешь советы повелителю, куда уж тебе! Но если ты и впрямь хочешь, чтобы мы поладили, – запомни раз и навсегда. Я командую своими людьми – не ты, а я! А ты, если что-то будет нужно, меня попросишь, и я, может быть, исполню. Ты понял?

Он положил ладони на стол и как бы невзначай сжал кулаки.

– Я и не собираюсь отдавать приказы твоим воинам. Но глава похода – я, и ты будешь повиноваться мне, – нарочито спокойно ответил Ширам. – И твои люди тоже будут повиноваться мне, если у нас возникнут разногласия.

– А если они не захотят?

– Если нет, это будет считаться мятежом против государя. Знаешь ли ты, как накхи поступают с мятежниками?

Джериш на мгновение замер, будто пытаясь понять, насколько серьезен его собеседник. Затем вдруг расхохотался.

– Накх угрожает ариям казнью за мятеж против государя ариев! Давно так не смеялся!

– Накхи, – тихо произнес Ширам, – никогда и никому не угрожают. Я лишь передаю тебе слова нашего общего повелителя. И от себя настоятельно прошу их услышать.

Он повернулся и бросил через плечо:

– Доброй тебе еды. Завтра я жду тебя и прочих жезлоносцев у конюшен.

Та беседа, очевидно, возымела действие – всю дорогу у Ширама не было повода усомниться в Жезлоносцах Полудня. Пожалуй, лишь эти песни да порой ехидные шуточки за спиной намекали на истинный настрой телохранителей царевича. Ширам не обращал на них внимания. Его воля должна была сломить кичливых детей Солнца, и он знал, что не остановится, пока они не признают его право на власть.

Потому что они так и останутся телохранителями. А он – если будет на то воля богов и повелителя Ардвана – пойдет дальше. И насколько высоко – напрямую зависит от Великой Охоты.

Ширам хорошо помнил тот день, когда великий государь неожиданно призвал его к себе. Мог ли он вообразить, что ему желают дать поручение, достойное лучшего воина Аратты! И посулить награду, о которой ни один из накхов и помыслить не мог...

Придворная стража в начищенных до блеска бронзовых доспехах раздвинула копья, пропуская Ширама, сына Гауранга, наследника благородного дома Афайи, под зеленую сень запретного Сада Возвышенных Раздумий. Представители знатнейшего рода накхов были нечастыми гостями тут, в самом сердце Лазурного дворца. Сюда вообще мало кто допускался – и всякий раз с особого разрешения государя.

Но Ширам был не просто знатным вельможей и маханвиром Полуночной Стражи. Накхи всерьез именовали его законным наследником престола своего народа. Уже три сотни лет в разрушенной и опустевшей столице Накхарана селились лишь совы да змеи. Уже давным-давно было объявлено, что из многих разноязыких племен Господь Солнце выплавил единый народ Аратты. А все равно накхи – в своем кругу, конечно, – упорно величали Ширама саарсаном. Впрочем, у государя не было причин беспокоиться. Молодой воин служил в столице не первый год, неизменно являя разумную отвагу и преданность властителю ариев.

И все же стража не спускала с накха глаз. Все знали, насколько они ловки в ближнем бою и как умеют превращать в оружие любые, казалось бы вовсе

неподходящие, предметы. Сейчас на приближающегося к государю Ширама с резных беломраморных галерей, окружавших сад, глядело семь пар очень зорких глаз, и семь стрел лежало на тетивах – на случай, если гость вдруг решит нарушить святость сокровенного места.

Ширам чувствовал устремленные на него взгляды и потому шел нарочито медленно, почтительно разведя в стороны руки, словно обращаясь с молитвой к Солнцу.

Сад Возвышенных Раздумий воплощал собой мечту о стране вечной весны, в которой обитают боги. Именно таким он и представлялся Шираму, который вырос в куда более суровых краях. Пьянящий аромат бесчисленных цветов, раскинувшиеся над головой широкие резные листья диковинных растений, вывезенных с далекого юга, тихий плеск воды в фонтанах – все это казалось накху даже чрезмерным для смертных людей. Но государь Аратты, разумеется, к такому не относился.

Все дорожки в саду сходились к центру, где белела увитая цветущими лианами мраморная беседка. Там-то и ожидал гостя солнцеликий властитель.

Ширам приблизился к ступеням беседки и преклонил колена, не доходя до государя, как заведено, десяти шагов.

Ардван смерил его внимательным изучающим взглядом. Да, Ширам, сын Гауранга, именно таков, как о нем рассказывали. Черные волосы, зеленые глаза – признак прямого происхождения от Первородного Змея, который, согласно верованиям накхов, вылупился из Земного Яйца и стал предком всего живущего. Истинному арию он, пожалуй, чуть выше плеча. Однако не стоит тягаться с ним ни в силе, ни в ловкости. Хрупкость его обманчива, как, впрочем, всегда обманчив вид любого накха.

Повелитель глядел молча, еще раз проверяя свои расчеты. Можно ли довериться ему? Уж точно не менее, чем ближним советникам, замышляющим недоброе за его спиной. Но ими он займется отдельно. Не сейчас, но очень скоро...

– Ты служишь мне верой и правдой уже седьмой год, – начал Ардван, делая саарсану знак подняться с земли. – Мне рассказывали о тебе немало лестного...

Тот встал нарочито медленно, чувствуя, как упираются между лопаток пристальные взгляды лучников.

– Я желаю приблизить тебя.

– Это высокая честь, и я счастлив, если заслужил ее, – негромко промолвил воин.

«Как же, заслужил! – крутилось у него в голове. – Реши я сейчас отмахнуться от мотылька – и вместо острых взглядов в меня воткнутся отточенные стрелы. Уж что-что, а бить из лука арии умеют превосходно... Но государь что-то задумал, это бесспорно. Что и для чего? Будет ли мне от этого какая-то выгода? Или же я буду одной из палок, которые бросают под колесо застрявшей телеги? И тут же забывают, когда колесо, с хрустом переломив ее, катится дальше...»

– Я знаю, что твой род правил землями древнего Накхарана, до того как туда пришли мои предки, – продолжил Ардван. – И знаю, что между ними в те давние годы произошло сражение, решившее участь народов...

Государь смотрел прямо в лицо Шираму, ожидая, что тот выдаст свое отношение к битве, именовавшейся в его народе Битвой Позора. Непобедимые в личной схватке накхи прежде не встречали организованного врага и легко расправлялись со всеми, кто смел им противиться. Однако здесь их ждало нечто прежде невиданное. Тысячи всадников, повиновавшиеся единому слову и единому взмаху руки. Десятки колесниц с косами по бокам, наводящие ужас на пеших воинов, лавиной двигались по их земле. Накхи собрали огромное войско. Все, кто мог держать оружие, выступили под стены Накхарана. Их было в три, а может, и в четыре раза больше, чем пришельцев.

Но то, что произошло дальше, могло именоваться никак не боем, а скорее избиением. Всадники-арии, держась на расстоянии выстрела из лука, обошли фланги стоявшей на поле огромной разрозненной толпы накхов и с радостным улюлюканьем принялись осыпать их стрелами, сгоняя в середину поля, словно псы – овечью отару. Когда же толпа окончательно перестала походить на войско, под низкий рев громогласных труб на потерявших надежду защитников столицы ринулись боевые колесницы.

Афайя, предок Ширама, тогда бегом устремился навстречу передовой колеснице, на которой с луком в руках стоял предок Ардвана. Возница едва

успел натянуть вожжи, но царственный арья даже не шелохнулся, будто врос в днище колесницы. А предок Ширама рухнул на колени возле колеса, моля о милости. Там он и принес клятву верности в обмен на сохранение остатков его несчастного народа.

Предок Ардвана был милостив и мудр. Он приблизил к себе Афайю. И хотя так до конца и не доверился ему, но все же держал при себе безотлучно, поручая зачастую весьма ответственные задания.

«Неужели что-то меняется? – думал Ширам, глядя на повелителя. – Что и почему?»

– Я хочу укрепить связь между ариями и накхами, – неспешно говорил тот. – У меня две руки, и, хотя одна из них левая, а другая правая, они дороги мне обе. И если я хочу, чтобы мои стрелы достигали цели, я не стану пользоваться лишь одной рукой.

– Это мудрое решение, мой государь, – по достоинству оценив паузу в речи Ардвана, негромко проговорил саарсан.

– Спасибо, что ты это заметил, – усмехнулся владыка.

Ширам невольно прикусил язык. Но Ардван явно не был настроен гневаться.

– Мне рассказывали о тебе много лестного, – повторил он, – и потому я принял решение, которое, возможно, удивит тебя.

Ширам напрягся, ожидая подвоха.

– Я желаю выдать за тебя свою младшую дочь, царевну Аюну.

Ширам в первое мгновение застыл с открытым ртом. Он ожидал всякого, но не этого. Он сам бы сейчас затруднился ответить, сколько наложниц живет в его древнем дворце-крепости в Накхаране. Не считая шести жен из знатнейших накхских родов, украшающих собой его обиталище. Но дочь повелителя?! Это не просто седьмая жена. Это позволение стать ближним родичем государя!

– Что же ты молчишь?

– Я польщен, – выдавил Ширам.

Он попытался вспомнить, как выглядит царевна Аюна, но, к стыду своему, не смог. Он и видел-то ее изредка на больших приемах и храмовых праздниках, всегда в толпе придворных – тонкая и стройная девушка с гордой осанкой, медово-золотистыми волосами и яркими глазами, увешанная украшениями, словно статуя богини. Его бросило в жар. Какие они, знатнейшие женщины ариев?

– Я онемел от восхищения. Я и помыслить не мог о такой милости ко мне!

– Ты заслужил ее. – Ардван поднял руку в останавливающем жесте. – Но прежде я желаю, чтобы ты сопровождал моего сына Аюра в Великой Охоте Силы. Я верю тебе, а потому поставлю главой всей охоты...

Ширам склонился в поклоне, как будто обрушившаяся на него неслыханная честь пригнула его к земле. Мысли его метались. Ему, накху, – возглавить Охоту Силы?! Но это не только огромная милость, но и величайшая ответственность. И это точно не делается просто так!

– Ты будешь не только руководить походом, но и лично охранять Аюра, – продолжал государь. – Ты станешь его тенью и, если нужно, его щитом.

Он замолчал, проверяя, услышал ли накх его слова. Ширам их услышал и уловил скрытый смысл.

Почему же Ардван не пожелал довериться своим сородичам?

– Ты сам знаешь, в какое тяжелое время мы живем, – словно отвечая на его невысказанный вопрос, со вздохом произнес властитель. – Сколько враждебных сил ополчилось на наш царствующий дом... А море, что подступает на севере, дает моим врагам повод говорить о гневе небес...

– Только прикажи, государь, и злые языки замолчат навсегда.

Ардван махнул рукой.

– Те, кто молча вынашивает измену, хуже площадных крикунов... Не о них сейчас речь. Я желаю как можно больше узнать о землях, лежащих на запад от наших границ. Во всех подробностях, не упуская ничего. Когда ты вернешься, Аюна станет твоей женой – это я тебе обещаю. Я не забуду твоего верного служения. И полагаю, мой сын найдет за что ему быть благодарным тебе.

– Я сделаю все, что могу, мой государь, – склонил голову Ширам. – И мои воины...

– В этом тебе помогут полторы дюжины Жезлоносцев Полуденной Стражи.

Саарсан постарался скрыть удивление, но переспросил:

– Полуденной Стражи?

– Ты удивлен?

– Я полагал взять накхов...

– Да, твои земляки – прирожденные воины, с этим никто не спорит. Однако, как тебе известно, и арии славятся этим, – иронично добавил Ардван. – А вот что есть у них – и, увы, не водится за твоими сородичами – это умение блистать.

– Это правда, – подтвердил Ширам. – Но разве блеск важен для безопасности царевича?

Повелитель усмехнулся, не скрывая превосходства.

– Вы поедете через всю страну и дальше, в дикие земли. Их обитатели должны видеть в вас не опасных чужаков, а непоколебимое, безусловное величие нашей державы. Поверь – если бы какое-либо из этих племен взбунтовалось, я послал бы накхов. Но это лишь одна причина, а я тебе назову еще одну...

– Я весь превратился в слух, – почтительно произнес Ширам, невольно стараясь подражать велеречивым царедворцам. Получилось весьма неуклюже, так что Ардван не смог удержать улыбку.

– Когда ты вернешься из похода, у меня будет достойное основание возвысить и приблизить тебя. Ты перестанешь быть просто накхским саарсаном – да-да, я знаю, что вы по-прежнему употребляете этот отживший титул, – но прикоснешься к истинной власти. А потому я не позволяю тебе брать в этот поход никого из сородичей.

– Государь...

– Тебе предстоит научиться управлять ариями – знатными ариями. И они должны привыкнуть к этому... Ступай.

Ардван взмахнул рукой, отсылая гостя.

– И вот еще что. Я желаю, чтобы Аюр отправился на охоту как можно раньше, без каких-либо задержек. Если что-то будет служить тебе помехой, действуй моим именем.

Ширам не вполне понял, на что на этот раз намекает государь, но вновь молча поклонился, отступил на несколько шагов, повернулся и направился к выходу.

– Ступай, – вслед ему тихо проговорил государь. – Отправляйтесь – чем раньше, тем лучше. Как только вы покинете наши пределы, я начну.

Глава 6

Дом Ветра

До скал, называемых Лосиными Рогами, было не так уж и далеко – не больше дня пути. Утром вышли на заре все вместе – Толмай, его сыновья и Кирья с Мазайкой – и направились напрямик через лес, Зеленый Дом, как звали его ингри.

Тропа вилась среди елей, стрелы солнца пронзали колючие ветви, золотыми полосками лежали на хвое. Где-то стучал дятел, пахло грибами – жить да

радоваться! Только Мазайке с Кирьей было не до веселья. Братья Учай и Урхо шагали позади, беспечно болтая между собой и заодно приглядывая, чтобы дети не сбежали. У тех и так ноги сами подгибались. Но никто из них и виду не подавал. Кирья шагала, подняв голову и холодно улыбаясь. Насмешник Учай посматривал на нее, скривив губы, – вот каменная девка! И богов не боится! На самом деле Кирье, конечно, было страшно. Одно дело – видеть богов во сне, другое – когда тебя ведут к ним на суд.

Жреца Ашега она видела пару раз в жизни, и то издалека. Не так часто обитатели деревни сталкивались с тем, кто служил одному из великих богов, да еще в его земном доме. По особым случаям к Ашегу обращались с просьбой выбрать жертвенных животных, а в ночь солнцеворота он торжественно возжигал на высоком берегу огромный ежегодный костер. Обычно Ашег вместе с семьей жил в лесу, неподалеку от Лосиных Рогов, где на священной скале стоял Дом Ветра, и в деревне не показывался. Ингри жреца очень уважали и побаивались – ведь только он осмеливался подниматься в дом бога и возвращался оттуда невредимым.

Мазайка, в отличие от подруги, не раз ходил вместе с Дядьками к Лосиным Рогам и видел Дом Ветра – издалека, конечно. Правда, храбрости ему это не прибавляло. Однажды он хотел было подобраться поближе к каменной избе, вознесшейся в небеса на отвесном скалистом выступе, но оттуда вдруг донесся такой пугающий, нечеловеческий вой, что отрок чуть не сверзился с кручи прямо на острые камни. Нет уж, пусть с богами видятся те, кто знает правила и обряды. Немало сказок у ингри о тех, кто ненароком оскорбил богов. Порой боги милостивы, если им угодишь, но могут быть и жестоки. А еще они любят живую кровь и вареное мясо... Видяна предпочитает белых гусей, громовик Шкай раз в год требует бычка, причем непременно рыжего, без единого пятнышка...

Мазайка содрогнулся. Кто знает, чьей кровью кормит Господина Ветра жрец Ашег?

В сыром воздухе потянуло дымом. Жилище Ашега было уже где-то поблизости.

Когда семейство Толмая столпилось перед приземистой избой, упртанной под плоской наклонившейся скалой, и Мазайку с Кирьей выпихнули вперед, ничего особенно страшного они не увидели. Колдун, по пояс голый, рубил на колоде

дрова. Заметив гостей, он выпрямился и махнул им рукой, чтобы подходили ближе. Мазайка удивился, поняв, что колдун еще не так уж стар. Его длинные седеющие волосы были обвязаны пеньковой веревочкой, чтобы не лезли в глаза. Худое тело было покрыто красными и синими узорами, на шее и запястьях – связки оберегов.

– С чем пришли?

Ашег воткнул топор в колоду, выпрямился и окинул острым взглядом гостей. Глаза у него были как у Мазайки – светлые-светлые, прищуренные, слегка раскосые. Сразу ясно – эти глаза богов видали и не зажмурились...

Толмай выступил вперед, поклонился и принялся рассказывать все по порядку: и про паводок, и про плотину, и про обвинения добродееи... Жрец Вармы внимательно слушал, разглядывая Кирию. Та бесстрашно смотрела на него. Ашег почему-то не показался ей столь опасным, как Локша.

– Покажи-ка сойку, – приказал жрец Мазайке.

– Вот, – протянул свистульку мальчик.

Колдун еще подумал, зачем-то подкинул сойку на ладони и сказал Толмаю:

– Пока оставь дочку здесь. Это дело непростое. Если на ней нет порчи – я ее завтра отпущу, сама прибежит домой. Если есть...

– Я с ней останусь, – быстро заявил Мазайка. – Это ведь я ту сойку слепил! И тоже свистел...

– Оставайся, – неожиданно просто согласился Ашег. – А вы ступайте, – кивнул он Толмаю и его сыновьям. – Ну иди сюда, дева.

Кирия и хотела шагнуть, но словно в землю вросла.

– Иди давай, – легко подтолкнул ее отец.

Внутри Кирьи словно невидимая нитка порвалась. Она вздохнула, подошла к Ашегу и встала рядом с ним, глядя себе под ноги.

– Да будут добры к вам боги, – с сочувствием глядя на сестру, пожелал Урхо.

– Что им боги! Как бы эти двое тут бурю не насвистели! – услышала Кирья ехидный ответ Учая. Отец ответил им только глубоким вздохом, и вскоре родичи скрылись среди деревьев.

Дождавшись, когда они отойдут подальше, Ашег неожиданно свистнул по-птичьему. Из-под скалы тут же выскочила босоногая девочка с ковшом, полила ему на руки. Умывшись, колдун проверил, осталась ли в ковше вода, и приказал:

– А теперь принеси яйцо. Сейчас все про вас узнаем, – подмигнул он с недоумением глядящим на него детям.

Когда еще теплое яйцо из-под курицы было принесено, Ашег осторожно разбил его и вылил желток в воду, после чего водрузил ковш Мазайке прямо на макушку.

– И что мне делать? – шепотом спросил мальчик.

– Постоять спокойно.

Мазайка послушно застыл на месте, стараясь даже не дышать. Вскоре Ашег снял у него с головы ковш, поглядел в него и с некоторым разочарованием сказал:

– Ничего! Хоть бы свернулись, что ли... Ну теперь ты, дева!

Ковш с плавающим в нем яйцом оказался на голове Кирьи. В лесу закуковала кукушка, и не в лад ее размеренному кукованию торопливо колотилось ее сердце.

– Ну-ка посмотрим, что там за порча... – пробормотал жрец, снимая ковшик с головы и с любопытством в него заглядывая. – Господин Ветер, это еще что такое?!

Мазайка тоже сунул нос в ковш.

– А где яйцо? – не понял он.

В воде, распустив во все стороны нити-щупальца, плавал непонятный, но зловещий с виду красный шар.

– Хватайся крепче, да не повисай на корнях, тут некоторые деревья сами еле держатся...

Ашег, Мазайка и Кирья поднимались на Лосиные Рога по извилистой и опасной тропинке. Даже и тропой ее сложно было назвать – перебираешься с выступа на выступ, цепляясь за чахлые стволы сосенок, и вниз лучше даже не глядеть. Мазайка, вспоминая, как пытался забраться на эту кручу год назад, все сильнее хотел зажмуриться и на пузе сползти вниз, пока руки сами не разжались. Если сорвешься – катиться будешь долго, пока не рухнешь на камни там, где оmyвает священную скалу быстрая Вержа.

– Почему желток стал красным? – услышал он голос Кирьи – на удивление спокойный.

– Если бы я знал! – ответил Ашег, слегка задыхаясь от крутизны подъема. – Вот если б не изменился, значит и нет на тебе никаких чар. Распустится белыми нитями во все стороны – кто-то косо на тебя посмотрел, пожелал нехорошего. Свернется яйцо, будто вареное, – некто тебе зла желает. Почернеет – я сам такого не видел, но в старые времена бывало, – тут намеренно наведены темные чары. Но такого, чтобы желток покраснел, я не слыхивал и не видывал...

Ашег подтянулся, взобрался на широкую площадку, от которой тропа уже полого шла на самую вершину скалы, посадил Кирью, протянул руку Мазайке и выдернул его наверх, как репку.

– Такое удивительное знамение! – повторил он задумчиво. – Теперь я понимаю, почему испугалась добродейка... Тут надобно спросить самого Варму!

Мазайка стоял на краю пропасти, перебарывая головокружение и с восхищением глядя вдаль. Озаренная солнцем Холодная Спина пламенела на востоке, словно облитая ало-золотым огнем. Окружающая ее сизая стена туманов казалась облаками, что под собственной тяжестью легли на землю. К северу и югу, куда глаза глядят, голубыми волнами расходились еловые леса. Далеко внизу глухо шумела река.

- Не спи, - поторопил его Ашег. - Я еще должен все подготовить до заката.

Налетел порыв ветра, зашелестели кроны сосен, и вдруг прямо позади Мазайки раздался тот самый вой, который так напугал его в прошлый раз. Таких голосов не было ни у людей, ни у зверей. Даже пение Дядек в полнолуние не звучит так жутко!

Мазайка вскрикнул, чуть не сорвавшись с края скалы, - Ашег еле успел поймать его.

- Что творишь? - сердито закричал он. - Крылья небось пока не отрастил?!

- Она поет! - раздался позади восхищенный голос Кирьи. - Как она это делает?

Мазайка обернулся - прямо у него за спиной раскинула резные крылья птица с хищным клювом и человеческими глазами. Вместо лап у нее были узловатые корни, уходящие в трещины скалы. Перед птицей стоял небольшой каменный жертвенник с остатками подношений. В груди удивительного деревянного существа было просверлено несколько отверстий. Из них-то и раздавался вой.

- Это ветер! - мигом догадался мальчик. - Ветряная дудка! Так вот оно что! А я-то боялся...

- Я тебе дам «дудка», - фыркнул Ашег. - Поклонись стражу Дома Ветра!

Только теперь Мазайка осознал, что наконец он там, куда его давно тянуло любопытство, - у порога дома самого бога Вармы.

Святылище на Лосиных Рогах существовало с незапамятных времен. Вернее, священными почитались сами скалы, гигантскими каменными рогами торчащие

в небеса посреди лесистой низины, в которой обитал народ ингри. Сказания утверждали, что эти скалы и есть не что иное, как сброшенные рога первородного Великого Лося, который по велению Вармы сошел с небес, чтобы сразиться в бою за Мать-Лосиху. Она и породила хозяина леса, бога Хирву, от которого пошел род ингри.

«Беда придет с гор, и спасение на горах найдете», – гласило древнее пророчество. Правда, что оно означало, Ашег понятия не имел. Но он делал то, что ему положено, – обустроивал святилище, чтобы Варме было удобно и приятно гостить тут между небом и землей. Иногда жрец приносил жертвы, но нечасто – по пустякам Варму никогда не беспокоили. Для обыденных дел вполне годились керемети – священные рощи.

Поклонившись птице-стражу, Ашег и дети прошли дальше, к небольшой каменной избе на круглой поляне. Мазайка никогда прежде таких домов не видал. Больше всего эта чудная изба напоминала домик предков из Дома Дедов. Но те были без окон и без дверей, а эта наоборот – в каждой стене по узкому окну. Как объяснил Ашег, чтобы Господин Ветер мог влетать с любой стороны, с какой ему вздумается.

– Сейчас его здесь нет, – сказал Ашег, заметив, что мальчик со страхом смотрит на Дом Ветра. – Но я призову его и, если он придет, задам вопрос.

– Про паводок? – спросила Кирья.

– И про яйцо тоже.

Жрец улыбнулся и потрепал ее по кудлатой голове.

– Не бойся.

– Я не боюсь, – решительно ответила девочка. – Чего мне бояться? Я ничего дурного не делала и богов не оскорбляла.

– Ты – нет, – согласился Ашег, а сам мысленно добавил: «Но что-то в тебе вызывает беды и знамения помимо твоей воли...»

Разводя огонь на каменном жертвеннике в центре избы, жрец думал о том, что понять, в чем дело, будет очень непросто. Его с юных лет учили видеть и распознавать знамения, замечать в обыденном жизненном течении знаки богов, понимать, кому и для чего они посылаются. Но сейчас знамения что-то уж очень грозны! Что творится с этой девочкой, которая ни обличьем, ни нравом не похожа на ингри? Какую весть она им несет? Ашег, привыкший жить близ богов и угадывать их намерения, чувствовал – нечто приближается, что-то сдвигается в мире. Зреют, накапливаются перемены и, если не понять, не предотвратить, однажды обрушатся потопом... И тогда будет уже поздно.

Искры посыпались с кресала, затлел сухой мох, вспыхнула береста, и сумрачное нутро каменной избы озарилось теплым светом. Ашег бросил в костер несколько веточек душистого можжевельника, подождал, пока разгорится пламя, достал из принесенного с собой короба большую берестяную баклажку и выдернул пробку. По воздуху поплыл сильный сладкий запах, мешаясь с ароматом можжевельника. Шепча моления Варме, Ашег налил питье в глиняную плошку с длинной ручкой и начал греть на огне.

Под потолком что-то негромко зашелестело. Мазайка, пристроившийся у жертвенника, поднял глаза и увидел, что над его головой плавно кружится деревянная птица. Изба была почти пустой, только по стенкам висела кое-какая утварь и посуда для приношений. А что это там в углу?

– Что это? – спросил мальчик, забыв о страхе. – Можно посмотреть?

Ашег поднялся и снял со стены короб с натянутыми на него струнами.

– Это гусли, – ответил он. – Такие делают на юге, в землях вендов. Эти – священные, как и каждая вещь тут, в божьем доме. На этих гуслиях только сам Господь Варма играет. Если он посетит нас, – может быть, сам услышишь.

– Я бы тоже хотел, – признался мальчик.

– Может, когда-нибудь и сыграешь. Варма к певцам и музыкантам благосклонен.

– Нет, – сказала вдруг Кирья.

- Что - нет?

- Я только начала играть на сойке, как по реке поплыли льдины и вода начала подниматься. Значит, моя игра его не порадовала!

- Как знать! - сказал Ашег. - Ты полагаешь, что Варма решил покарать тебя за плохую игру? А может, он, напротив, хотел предупредить вас?

- Нет, - снова сказала Кирья. - Он показал нам Холодную Спину, по которой идут мамонты с избушками на спинах. А еще огромные ледяные пещеры, которые размывает вода. Эта вода и вырвалась на свободу, когда я заиграла...

- Мамонты? Избушки на спинах? - с изумлением повторил Ашег.

- Я их тоже видел, - подтвердил Мазайка. - А пещеры - нет. Только паводок. Но он и так, почитай, каждый год приходит...

Жидкость на огне вскипела и поднялась буро-золотистой пеной. Ашег поставил ее на край жертвенника, чтобы слегка остудить.

- Это морочный мед, - объяснил он. - Сейчас я его вам дам, и вы уснете. Проснетесь только завтра утром. Голова будет болеть очень сильно, но тут уж ничего не поделаешь - придется потерпеть.

- А когда прилетит Господин Ветер? - спросила Кирья, послушно принимаясь за питье.

Первый же глоток жгучего, приторно-сладкого зелья ударил ей в голову, туманя сознание. После второго изба поплыла у нее перед глазами. Но Ашег заставил выпить все до капли. Только после этого он отпустил девочку, которая тут же заснула, где сидела.

Потом Ашег напоил морочным медом Мазайку, уложил на пол и его, а сам сел рядом поудобнее и приготовился ждать. Дело зелья - выпустить дух из тела, как птицу из клетки. Но в полете может случиться все, что угодно. Может быть, дети просто проспят всю ночь, а утром расскажут, что видели. А могут и вовсе не вернуться в тело - и такое порой бывало. Или вернуться, но не одни...

Качнулось пламя.

Затрепетали деревянные перья у небесной птицы.

Ашег склонился перед жертвенником, прижимая к груди ладони.

- Приветствую тебя в твоём доме, Господин Ветер...

Мазайка беспечно посапывал на полу. Ему снился Зеленый Дом и лесной бог Хирва, его владыка и прародитель всех ингри. Косматый великан ласково кивал головой, увенчанной тяжелыми лосиными рогами, - зазывал волчьего пастушка в гости...

А Кирья в беспокойном сне опять летела молнией над выцветшими плоскогорьями Холодной Спины, над ее ледяными обрывами и снежными склонами. Она снова видела сходящие в вечном тумане лавины и невиданных зверей, огромными скачками уходящих от гибели... Они все ближе...

Дикий вопль заставил подскочить на месте задремавшего у очага Ашега.

Жрец схватил Кирью за плечи, приподнял с пола:

- Что?! Что ты видишь?!

Глаза девочки широко распахнулись, по лбу потекли капли пота. Скрюченными пальцами она вцепилась в рукава вышитой жреческой рубахи.

- Зверь! - прохрипела он. - Чудовище!

- Какое чудовище?!

- Оно идет сюда...

Глаза Кирьи закрылись, тело ее тряпкой повисло в руках жреца.

«Это все?» - успел разочарованно подумать Ашег.

Но тут ослабшее тело выгнулось дугой. На этот раз не было ни воплей, ни вытаращенных глаз. Кирья села ровно и спокойным голосом заговорила нараспев:

- Смерть идет в земли ингри. Берегитесь зверя! Но больше всего берегитесь ненависти!

- Какой зверь? О чем ты? - торопливо спрашивал Ашег, хоть и понимал, что девочка его не слышит. Дух ее не здесь, а где - неведомо.

- Чудовище убьет одного, ненависть убьет всех...

Ашег видел, что слова начинают звучать все медленнее, все тяжелее. Нечеловеческое напряжение провидческого сна-яви вот-вот сменится бесконечной усталостью. Сейчас Кирья снова свалится в беспамятстве...

- Какое чудовище идет в земли ингри?

Кирья вяло помотала головой, хотела ответить - и уже не смогла.

Ашег разжал руки, бережно уложил детей у очага, накрыл для таких случаев припасенной в избе волчьей шкурой. Мазайка сопел во сне, Кирья же лежала холодная и неподвижная, как мертвая. Кажется, даже не дышала. Но Ашега это не пугало. Слабость была обычным делом после видений. Завтра она проснется измученной, но ничего не вспомнит.

«Парня я завтра отправлю обратно. Но что же мне с тобой дальше делать? - подумал Ашег, глядя на Кирью. - У себя оставить?»

Похоже, эта дева способна проникать взглядом в мир богов, а может, и заглядывать в Бездну. Значит, ей одна судьба - в ведуньи. Но кто будет учить ее? Каждое новое знамение было страшнее предыдущего. И теперь еще эти предсказания! Что близится некое зло, он и сам чуял. Но какое?

И что еще за зверь? Может, зверь-защитник? В древние времена такие звери были у каждого ведуна. Да и сейчас порой приходили. Но почему тогда Кирья так испугалась? Видно, этот зверь очень страшен и силен. Тогда тем более

нельзя отпускать ее, надо учить, пока она сама себе не навредила...

Жрец бога ветра задумчиво посмотрел на берестяную флягу с морочным медом. Потом взял и отпил несколько глотков.

- Господин Варма! - прошептал он, засыпая. - Что увидела Кирья?

Но во сне Ашег увидел только снежную пустыню. Ветер гонит поземку по бескрайней равнине. Глазу не за что зацепиться. Сам он стоит на пороге Дома Вармы, озираясь в недоумении. Где земли ингри, где бескрайние леса, где Холодная Спина? Ничего нет! Ветер сметает снег, но под ним не земля - черный лед... И тут Ашег понимает, что это не равнина, а замерзшая вода - от края до края неба.

Глава 7

Взгляд в спину

Мамонты ступали так плавно и неспешно, что со стороны казались спящими на ходу. Они двигались один за другим вдоль берега Длинной Воды, как мохначи между собой прозвали шумный ручей. Когда Колючие Горбы сменились лесистой равниной, ручей перестал скакать по камням, успокоился, затих и превратился в полноводную речку.

Дорога по берегу была довольно узкой. Местами из земли выпирали покрытые мхом скалы. Порою к берегу подступал густой сосновый лес, доходивший иногда и до самой кромки обрыва. В этом случае мохначам, а заодно и охотникам приходилось спешиваться, валить деревья, а то и устраивать стоянку, прежде чем удавалось расчистить путь.

- За теми скалами - земля лесовиков, - пояснила Хасте мохначка Айха и ткнула пятерней в дикое, поросшее сосняком нагромождение огромных скал впереди. - Они называют это место Лосиное Горло. Вон там - рога. Видишь, скалы торчат? А сам Великий Лось будто пьет из реки.

- Откуда ты знаешь о лесовиках?

- Старые люди говорили.

- А им откуда известно?

- Много ходили. Много знают.

- И что, в тех краях в самом деле хорошая охота?

Мохначка кивнула:

- мех хороший, мягкий.

- А большой зверь?

- Большой зверь - плохо. - Она погладила ладонью макушку своего шерстистого побратима. - Большой зверь на Айхо прыгал. Пятнистый, клыки вот такие! - Она выпрямила ладонь. - Очень злой!

- Здесь живет? - заинтересовался Хаста.

- Здесь - не знаю. Там. - Она махнула назад, в сторону скальной гряды, с которой они недавно спустились в лесистую долину. Ей очень хотелось рассказать этому волшебному человеку столько всего интересного. Но она знала так мало, что сама себе казалась никчемной тупицей рядом с ним.

- А лесовики, что они за люди?

- Люди? - озадаченно повторила Айха.

Она не знала, что ей ответить. Конечно, жители этих мест ходили и даже бегали на двух ногах. Но были ли они настоящими людьми? Старики рассказывали, что они помесь людей и лесного зверья. Что с ними всегда нужно быть настороже. Однако сама она видела лесовиков лишь издалека.

– Кто их вождь? Ценят ли они бронзу или золото? Какое у них оружие? Какие боги?

Погонщица мамонта поглядела на собеседника с благоговейным трепетом. Разве мог кто-либо из живущих знать так много?

– О чем ты с ней говоришь? – крикнул, высунувшись из закрепленного на спине бредущего следом мамонта шатра, Аюр. – Расспрашивай о нравах народа, в чьи земли мы входим!

Вслед за ним выглянул наружу Ширам.

– Что ты делаешь?! – В голосе начальника телохранителей слышалось неподдельное изумление.

– Разговариваю с ней. Она умная девушка.

В ответ ему послышался хохот.

– Что смешного я сказал? – недовольно оглянулся жрец.

– Это лучшая шутка сегодняшнего дня! Разве не смешно? Мохначка – девушка, да еще и умная! А вот это существо, – Ширам легонько прикоснулся острием лунной косы к холке своего мамонта, – по-твоему, юноша? И тоже явно неглупый...

– Судя по тому, что молчит, вместо того чтобы сотрясать воздух глупыми шутками, – уж точно не дурнее некоторых, – отрезал Хаста.

Накх побледнел от гнева. Наглый простолюдин с длинным языком! Навязанный ему рыжий жрец и так не слишком радовал его своим присутствием. Ширам предпочел бы обходиться и без него, и без шумной пятнистой шавки, перевозимой им в плетеной корзине. Но невзрачного человечка прислали из главного храма Исвархи, и спорить с его жрецами не было никакой возможности. Кроме того, парень приносил пользу. Он был сведущ в лечебных настойках и огненных зельях и очень скоро осваивал новые языки. За время путешествия из Аратты он наловчился болтать с мохначами на их невнятном мычании почти так

же ловко, как обученный переводчик Варак.

– Если ты станешь дерзить мне, я спущу с тебя шкуру и натяну на барабан, – посулил Ширам жрецу.

– И тогда ты услышишь правду в его звуках, – ни мгновения не задумываясь, ответил Хаста.

Накх скрипнул зубами. Конечно же, казнить нахала он не смел. Но мало ли какой тяжелый камень может свалиться на голову... Он хотел было крикнуть зарвавшемуся жрецу, чтобы тот помнил свое место, – но вдруг, как это с ним часто бывало, почувствовал мерзкий холодок между лопаток. Кто-то смотрел на него пристально, не сводя глаз. Это Ширам ощущал так же ясно, как видел дневной свет.

Много лет тому назад, когда он едва научился владеть оружием, отец отвел его в горную пещеру, оставил ему немного еды и ушел, завалив камнями выход. Ширам стер пальцы в кровь, пытаясь отвалить камни. Он выбивался из сил, но все без толку. Он не знал, сколько времени провел в непроглядно темной пещере, – но именно тогда он впервые кожей почувствовал обращенный на него голодный, недобрый взгляд. Он быстро обернулся – и сделал это очень вовремя. К корзине с его едой уже тянул лапы страховидный мохнач! Ширам схватил оставленную ему отцом дубину и набросился на пещерного жителя. Тот, не принимая боя, метнулся вглубь пещеры. А мальчик снова принялся разбирать камни. И вновь почувствовал взгляд...

Он не спал и еле держался на ногах, то и дело бросая работу, чтобы отогнать врага от остатков пищи. С каждым днем тот, видя, что мальчик слабеет, становился все наглее. Но в конце концов Ширам дал возможность мохначу дотянуться до оставленной на камне ячменной лепешки и что есть силы ударил его дубиной по затылку. Хруст позвонков прозвучал для него победной песней. Когда же наконец ему удалось проделать лаз и, сдирая кожу на боках, выбраться к солнцу, у входа в пещеру его поджидали отец и дед. Осмотрев место заточения внука, старый накх покачал головой и проговорил неодобрительно:

– Он будет славным воином, но плохим князем.

- Почему? – робко осведомился мальчик.

- Мохнач был вдвое крупнее и втрое сильнее тебя. Ты победил его. Победил, найдя способ заманить его в засаду. Но он не угрожал тебе. Он был просто голоден. Его запустили в пещеру за два дня перед тобой, и с той поры он не съел ни крошки. Ты бы мог дать ему часть еды, и он бы с радостью помог тебе отваливать камни. Ему не меньше твоего хотелось увидеть солнечный свет. Ты не годишься, чтобы быть правителем накхов – саарсаном.

Ширам бросил на деда взгляд исподлобья:

- Дикарь был врагом. Он хотел украсть мою еду!

Старый накх печально взглянул на него:

- Ты увидел врага там, где настоящий правитель увидел бы возможность. Но, убивая одних врагов, ты порождаешь новых. Тебе придется уничтожить всех, чтобы избавиться от недругов. Ни один князь не смог добиться этого. А если не сделаешь этого – всегда жди удара в спину. Потому я и говорю – ты будешь плохим саарсаном.

- Но он еще очень юн, – вступился отец. – Он наберется ума.

Дед покачал головой:

- Пока что можно сказать одно. Он навсегда запомнит обращенный на него взгляд из темноты. Это поможет ему сохранить жизнь. Обо всем остальном поговорим, когда он сможет доказать, что он прав, а я ошибаюсь...

...Сейчас Ширам вдруг почувствовал такой вот взгляд, и колкости рыжего наглеца перестали занимать его. Он обернулся к царевичу:

- Я на время уйду в лес.

Аюр поглядел на него с недоумением:

– Ты что же, вздумал поохотиться без меня?

«Это моя охота», – хотел привычно ответить Ширам. Но тут он вспомнил лицо деда, сухое и хищно-насмешливое. Дед был силен, очень силен. Мог убивать не то что одним ударом – несильным касанием. И его усмешка пугала тех, кто способен был читать по лицам, куда больше, чем любая гримаса ярости. Да, он давно покинул этот мир, но его слова, брошенные тогда у входа в пещеру, по-прежнему звенели в ушах воина.

«Нет, дед все же ошибался, – внезапно подумал Ширам. – И я буду отличным вождем. Лучшим саарсаном из всех, кого помнили летописцы накхов!»

– Пойдем со мной, Аюр, – произнес он.

– Охотиться? – обрадовался тот.

– Не совсем. Я покажу тебе, как надо договариваться.

Урхо опустил ветку, и тяжелые еловые лапы закрыли убежище между камней.

– Ты погляди! На этот раз с востока идет не только солнце! Ашег-то верно говорил про чудовище...

– Жрец сказал иначе, – перебил брата Учай.

Он был годом младше и намного мельче своего могучего погодка, но не желал уступать ему никогда и ни в чем. Старший брат поглядел на него снисходительно, как обычно смотрит очень сильный человек на любимого родича, который изо всех сил тщится показать свое превосходство. Накануне вечером Толмай отправился обратно в деревню, братья же задержались на Лосиных Рогах, дожидаясь сестру и, главное, решения жреца Господина Ветра. Оказалось – не напрасно ждали...

– Вспомни, что сказал ведун, – продолжил Учай, глядя со скалы на проходящую снизу тропу вдоль реки. – Будьте настороже – дескать, Кирье было видение, что в наши земли идет некое чудовище...

- Так и есть. Разве они не чудовища?

- Кто, мохряки?

- Да я про их зверей...

Урхо ткнул пальцем в медленно ступающих мамонтов. Они были еще далеко, но, несомненно, направлялись как раз в их сторону.

- Я однажды видел, как один такой потерял своего погонщика. Мохряки пригнали их пастись в предгорья Холодной Спины на молодых травах, как всегда делают по весне, а мы следили за ними со скал. Один из пастухов тогда помер - то ли от болезни, то ли просто от старости. И его мамонт будто взбесился. Он мчался не разбирая дороги и крушил все на своем пути, покуда не завяз в болоте. Вот тебе и чудовище.

Учай мотнул головой, не желая признавать за братом правоту.

- Ты погляди, на спинах мамонтов какие-то шатры. Уж не собрались ли мохряки перебраться сюда насовсем?!

- Пойди спроси у них, - усмехнулся старший брат и с удовольствием рассмеялся, заметив брезгливую гримасу на лице Учая. Конечно же, спрашивать о чем-либо мохряков было плохой мыслью. Во-первых, их рычание и мычание с трудом можно было назвать осмысленной речью. А во-вторых, кому же хочется, чтоб его убили и сожрали?

Между тем мамонты все ближе подходили к отвесным скалам Лосиных Рогов. Шатры на их спинах можно было разглядеть, не особо напрягая глаза.

- Смотри, смотри! - Зоркий, как пустельга, Учай схватил брата за плечо. - Там в шатре - люди в скорлупе!

- Ерунда, - Урхо глянул на него досадливо, - тебе почудилось.

- Я говорю тебе! Я разглядел их!

– В скорлупе... – Урхо задумался. – А я про таких слышал! Но они не приходили в наши края со времен дедов. Да и что им тут делать? Мы исправно даем им меха по уговору, они к нам не ходят. А мы не трогаем их посланцев...

При этих словах он невольно улыбнулся. Последний раз людей этого далекого народа видели в землях ингри, когда отец был еще ребенком. Конечно же, они их не трогали!

– Вот оно, зло. – Учай ткнул пальцем в сторону людей в скорлупе. – Вот то, о чем говорил Ашег!

– Мы не трогаем их, они не трогают нас, – пожал плечами Урхо. – Надо послать весточку отцу. Он все решит. Я сам думаю – нам следует уйти в Зеленый Дом.

– Всем родом?

– Да, всем. Ни мохряки, ни чужаки не отыщут нас там.

– Да? А если эти, в блестящих скорлупках, пожелают отдать нашу землю мохрякам? Зачем они иначе явились сюда все вместе? Если они поселят этих людоедов в наших избах, что ты тогда скажешь?

– Мы не трогаем их, они не трогают нас, – вновь напомнил Урхо.

– Это лишь слова. Кто спросит с них, если они пожелают обмануть тебя?

– Они клялись перед богами! И наши деды тоже.

– Быть может, ты и прав, – осклабился Учай. – И боги накажут их. Но ты будешь уже мертв. Мы должны отвести их от наших земель. – Он поглядел в небо. – Скоро начнет темнеть. Они останутся на ночевку здесь, на Лосиных Рогах...

Рука его потянулась к луку.

– Даже не думай об этом! – прервал его Урхо. – Будем покуда за ними тихо следить. И вот что – пусть этот волчий пастух, Мазайка, подкрадется к ним поближе...

- И посчитает зверей и людей, - кивнул Учай.

След человеческих ног был едва заметен, но все же для Ширама было достаточно признаков, чтобы обнаружить его. Отброшенная в сторону сухая ветка, раздавленный гриб - все это говорило о наличии поблизости соглядатая так же явно, как если бы он привязывал на своем пути красные тряпки. Накх склонился над вмятой в мох шишкой, затем посмотрел вперед, измеряя расстояние между шагами.

- Видишь? - сказал он Аюру, который внимательно следил за его поисками, не очень понимая их смысл. - Вон следы наблюдателя. Я их давно уже вижу...

- Почему ты думаешь, что он следит за нами? - спросил царевич. - Может, дикарь просто шел мимо?

- Отпечатков пяток не видно, шаг короткий. Что это значит? Он не торопился, крался осторожно, стараясь не спугнуть дичь - в данном случае нас...

Ширам разведенными пальцами измерил длину следа и, чуть прикрыв глаза, прикинул рост и стать преследователя.

- Тот, кто следит за нами, ростом не выше трех локтей... Ветер есть, но след четкий - значит прошел совсем недавно...

- Он был один?

Ширам внимательно огляделся в поисках других следов. Нет, похоже, это единственные.

- Да. Крался ловко, почему зря веток не ломал - умеет по лесу ходить...

Аюр слушал Накха, с каждым мигмом проникаясь почтением к его знаниям и чувствуя, как нарастает азарт. Вот это настоящая охота!

- А где дикарь сейчас? Надеюсь, не целится в нас из-за кустов?

Ширам задумался, вспоминая увиденную со скалы округу... Так и есть. Дорога шла над берегом реки, повторяя ее изгибы, и всякий раз соглядатай, следуя за ними вдоль опушки леса, выбирал такие места, откуда открывался весь путь целиком. Значит, сейчас он должен быть справа и впереди. А потом... Ширам улыбнулся, становясь в этот миг неуловимо похожим на покойного деда.

– Иди за мной как можно тише, – сказал он Аюру и скользнул в сторону от цепочки оставленных соглядатаем следов.

Мазайка умел ходить по лесу – как же иначе в его ремесле? Он двигался быстро и бесшумно, так что зверь не услышал бы его шагов. Он выбирал хорошие места для слежки и умел затаиваться, подолгу сидеть не шелохнувшись, будто превращаясь в ствол дерева или поросший мхом валун. Вот и в этот раз он подкрался к торчащей над утесом согнутой ветрами сосне, взобрался на нее, прильнул к шершавой коре и притаился, глядя на простирившийся снизу берег Вержи, по которому неспешно двигались мамонты. И принялся, как велел Урхо, считать.

Зверей – обе руки и еще два пальца. Людей в скорлупе – чуть больше дюжины. Оружных людей без скорлупы – четыре руки. А кроме них, пешие без оружия – мохначи и какие-то еще люди. Мазайка насчитал целых шесть рук. Это было очень много – во всем их роду не набралось бы столько мужчин... Впрочем, дед рассказывал, что однажды в землях южных ингри случилось нашествие – чужаков пришло целых сто рук. Он не слишком-то верил. Во всех племенах, что собирались раз в год на осеннем торгу в Ладье, большом селении на пути в земли вендов, не набралось бы столько.

Мазайка вслушивался в голоса чужаков, в дикие окрики и рычание погонщиков, стараясь вникнуть в их замыслы, но ничего толком не услышал и не понял. Когда что-то коснулось его плеча, он вздрогнул и резко повернулся. Перед ним стоял незнакомец, похожий на ночную тень, – черные волосы, смуглое лицо, темная, не сковывающая движений одежда. На широком кожаном поясе чужака на первый взгляд не было заметно никакого оружия, но через оба плеча за спину уходили перевязи.

– Здравствуй, – коротко проговорил он, глядя на него немигающими зелеными глазами.

Мальчик отпрянул, едва не сорвавшись с края обрыва, и схватился за манок, висевший на поясе. Однако странный незнакомец вел себя так спокойно, будто ни кость, ни железо не могли причинить ему вреда. Он лишь перехватил запястье волчьего пастуха в тот миг, когда пальцы его еще не сомкнулись на дудочке, и потянул на себя. Удивленный Мазайка ощутил, как небо поворачивается и он вдруг оказывается лежащим на земле. Незнакомец тут же отпустил его и вновь повторил:

- Здравствуй.

- Кто ты такой?! - выпалил мальчик.

- О! Я понимаю его речь! - раздался рядом звонкий голос, и из-за скалы появился второй чужестранец, большеглазый юноша с луком в руках. - Он говорит на языке слуг и рабов. Но как же чудно он выговаривает слова...

- Это весьма удачно, - отозвался его старший товарищ. - Помнится, с вендами у нас язык был совершенно не схож - очень мешало при допросах...

- Неужели здешние дикари родственны нашим «земляным людям»? - Юноша с любопытством уставился на юного ингри. - По виду и не скажешь. Смотри, какие у него чудные волосы - почти белые, хотя он не старик!

Мазайка припал к земле, не шевелясь. Он отлично понимал, что победа не стоила его противнику ни малейшего труда. При желании тот мог попросту свернуть ему шею или столкнуть вниз - он бы и не понял, что случилось, - но не сделал даже попытки. А значит, у него совсем иные замыслы.

- Ты следишь за нами? - спросил черноволосый.

- Вы пришли в земли ингри, - набравшись храбрости, заявил Мазайка. - Мы тут хозяйева!

- Мы вам не враги. Этот юноша, - Ширам почтительно указал на Аюра, - сын правителя великой Аратты. Он пожелал навестить свои отдаленные владения. Если он останется доволен, то щедро одарит вас...

Он полез за пазуху, достал несколько круглых металлических пластинок и протянул охотнику. Блестящие кругляши были покрыты неведомыми значками. Стоящий рядом юноша с луком восторженно, хотел что-то спросить, но встретил взгляд старшего и умолк.

– Держи, это тебе, – сказал мальчику темнолицый незнакомец. – Отнеси это тому, кто тебя послал, и скажи, что мы пришли с миром. Сын нашего общего повелителя ищет место для хорошей охоты. Порадуйте его, и он будет добр к вам.

Мазайка с опаской поднялся на ноги и взял кусочки сероватого блестящего металла. Оглядываясь, не пожелает ли темнолицый наброситься на него со спины, он поспешил в лес. Но тот стоял, будто и не глядя на него, – смотрел, как проходит внизу длинная вереница мамонтов.

Костер, разложенный между двумя поваленными деревьями, горел тихо, не вздымая языки к небу, будто стелясь по земле. Для того чтобы поджарить набранные поблизости грибы, этого было вполне достаточно. Учай сидел на стволе рухнувшей сосны, держа над углями согнувшуюся под тяжестью почищенных грибов ветку. С другой стороны со своей веткой, унизанной грибами, устроилась Кирья. Ее старший брат Урхо дремал неподалеку, подложив под голову мощные руки. В тот миг, когда Мазайка, запыхавшись, появился на поляне, это вызвало скорее недоумение. Что могло заставить волчьего пастуха вернуться, бросив слежку?

Не пускаясь в долгие объяснения, парень бросился к Учаю. Урхо приоткрыл глаза и поднялся на локте, желая услышать речь следопыта.

– Я говорил с одним из них! – выпалил Мазайка. – Они не желают нам зла! С ними сын их вождя, он приехал охотиться...

Учай едва не задохнулся от гнева. Зачем вообще высылать наблюдателей, если враг без труда находит их? Да еще и беседует, будто со старым приятелем?!

– И ты ему поверил?

– Он преподнес дары, – оправдываясь, проговорил Мазайка и достал пригоршню изукрашенных металлических пластин.

– Вот как? – Учай взял одну из пластин и принялся разглядывать ее, будто стараясь угадать смысл неведомых знаков. – Говоришь, дары?

– Да, и обещал еще много, если мы порадуем сына его повелителя!

– Ты глупее токующего глухаря!

Учай рывком поднялся на ноги и шагнул к мальчику, держа подарок нахха в двух пальцах.

– Бывал ли ты на осеннем торгу в Ладье?

– Н-нет...

– А я бывал – и видел любимую забаву смуглолицых торговцев. Один из них становится в круг, чтобы иметь возможность сделать шаг в сторону. В руках у него два клинка, и больше ничего. И еще пять человек, а то и больше становятся в пяти шагах за границей того круга. Прыгая из стороны в сторону, они кидают вот такие вот штуки, стараясь попасть в того, кто остался внутри. Тот отпрыгивает, уклоняется, отбивает кругляши, но не смеет выйти за пределы круга. Выигрывает тот, кто увернется от наибольшего количества кругляшей. Вот чем тебя одарили.

– Но я думал, это что-то ценное, – расстроился Мазайка. – Он их так дал, как будто вручил сокровище...

– Он обхитрил тебя. И сейчас чужаки свободно идут по нашим землям неведомо зачем и куда...

Кусты за спиной Учая шелохнулись. И когда тот стремительно повернулся, то обнаружил стоящего перед ним человека в темном одеянии.

– Ты кто?! – рявкнул младший сын вождя, хватаясь за охотничье копьё. Урхо за его спиной легко вскочил на ноги. Кирья ахнула и уронила ветку с грибами в

костер.

– Я служу сыну повелителя и оберегаю его, – произнес незнакомец. – Не бойтесь меня. Я и впрямь обманул мальчика, чтобы найти вас, – но только в этом. Мы пришли с миром. Отведите нас к своему вождю. Пусть он преклонит колени перед сыном могущественного владыки Аратты.

– Я не верю тебе, – хмуро процедил Учай. – Что делать сыну великого вождя дальних земель в наших лесах?

– Мой господин не обсуждает свои дела с простолюдинами. А поверить все же придется. В ту игру, которую ты так верно описал, играют не только те, кто стоит в круге, но и те, кто бросает.

Он сделал неуловимое движение кистью, и в древко копья Учая вонзилась небольшая металлическая пластина.

– Я мог убить тебя и всех вас, пока он, – Ширам кивнул на смущенного Мазайку, – рассказывал тебе о нашей встрече. Но не сделал этого, ибо нам нужно совсем другое – ваше гостеприимство.

– Мне думается, он правду говорит, – пророкотал Урхо. – Проводим чужаков к отцу. Пусть сам решает, как быть. А ты, чернявый, кем бы ты ни был, не держи зла на моего младшего брата. Он лишь оберегает наши земли. Ингри не любят мохряков, а вы пришли с ними. Но мудрый Толмай все решит по справедливости. Мазайка, сбегашь?

– Нет! Я сам пойду предупредить отца, – злобно глянув на чужаков, сказал Учай.

Когда ингри ушли, кусты на краю поляны вновь шевельнулись и из них показался царевич.

– Ловко ты с ними обошелся! Сперва они хотели метать в тебя копья, но потом просили прощения и помчались к своему вождю, чтобы тот готовил нам встречу, – не скрывая восхищения, сказал Аюр. – Но почему ты просил меня не показываться им?

– Они увидят тебя в свое время, во всем блеске, – ответил Ширам.

Накх был очень доволен собой. Он все сделал безупречно, преподал полезный урок царевичу и заодно поднялся в его глазах. Кто теперь скажет, что он пригоден только для войны?

«Дед гордился бы мной сегодня», – подумал он.

Глава 8

Первая встреча

Учай долго шел быстрым, размашистым волчьим шагом, покуда впереди на берегу Вержи не замаячило селение. Тогда он сбавил ход. В конце концов, может быть, Урхо прав и ничего ужасного не произошло. Чужаки выглядят и ведут себя диковинно, но враждебности не проявляют, хоть и пришли вместе с мохряками. Даже этот чернявый хитрец, обманувший простака Мазайку, – что и говорить, ловок, но ведь ловкость не порок...

Младший сын вождя перешел на обычный шаг и направился к воротам селения. Располагавшееся на излучине реки, защищавшей его с двух сторон, с третьей оно было обнесено невысокой изгородью – не столько от какого врага, сколько от дикого зверя. Ворота были распахнуты, как всегда, среди бела дня.

Мальчишки, увидев возвращающегося Учая, подняли радостный крик. Младший сын большака возвращался с Лосиных Рогов с вестями! Спеша разнести эту новость, они бросились к просторной большаковой избе, вереща без умолку.

Толмай вышел на крыльцо и остановился, засунув пальцы за широкий кушак, в ожидании сына.

– Здравия тебе, отец! – приблизился тот.

– И тебе поздорову быть. Случилось что – или как?

– Случилось, – ответил Учай. – К добру ли, к худу – не мне то решать.

– Заходи в избу, рассказывай.

Учай поднялся по ступеням крыльца, склонился, проходя под прибитыми над входом лосиными рогами – знаком Хирвы, – а охочие до новостей мальчишки облепили дом, надеясь раньше других услышать, какую новость принес от ведуна Учай.

Однако младший сын и вовсе не стал говорить ни о Кирье, ни о порче, ни о ДOME Ветра.

– Чужаки к нам пожаловали, – отвесив поклоны духам-покровителям очага, угла и порога, сразу выложил он.

Толмай сел на лавку, внимательно глядя на сына.

– Толком говори: что за чужаки, откуда, много ли?

– Спустились с Холодной Спины, да так и идут высоким берегом Вержи – скоро до нас доберутся. Одни высокие, статные, вот прямо как Урхо. Все, как один, в этакой блестящей скорлупе. Другие – вроде как пожиже и тем служат, но тоже не хлипкие, и у всех луки со стрелами и рогатины. А еще, – Учай скривился, вспоминая недавнюю встречу в лесу, – есть там человек, ликом темен и нравом крут, а быстрый, что куница...

– Вон оно как, – протянул Толмай. – Все или еще что?

– Куда ж все! С ними еще всякого люду тянется – целое племя! И самое главное, – Учай прервался, чтобы оттенить важность своих слов, – они сюда не своими ногами идут. Они на мамонтах едут, с мохряками!

– Вот как... – Вождь нахмурился. – В скорлупе, говоришь... и с мохряками?

– Все как есть рассказал! Своими глазами видел!

– Верю, верю я тебе. Те, что в скорлупе, копья и луки носят, и волосы у них длинные, в пучки увязаны, да?

- Нешто видеть доводилось? - затаил дыхание Учай.

- Видеть - нет. А слышать - от отца слышал. Сколько, говоришь, их пришло?

- Ох, много! Ежели оружных считать, то мужчин примерно как у нас. А если с безоружными, то, может, и вдвое будет... А с мохряками и вовсе...

Толмай встал, подошел к оконцу и глянул сквозь него на реку, шумящую за мысом.

- Вот что тебе скажу. Люди эти пришли сюда из далекой страны Арьялы. Много лет назад они уже заходили сюда несметным числом. Как рассказывал дед - куда большим, чем ныне. Правда, с юга, а не с Холодной Спины. Старейшины тогда порешили чужаков оружием не гнать, кровь попусту не лить. Селиться в наших землях длинноволосые все равно не собирались. А чтобы леса наши не портили да местный люд не обижали, решено им выход было дать: с каждого рта по куньей шкурке да черных бобров со двора по одному. Да волчьих шкур с селения по три дюжины... Для того на торжище в Ладье отдельный лабаз поставили. Приезжают туда раз в год гости из Арьялы, выход забирают, заодно и привозят всяких диковин - тоже на шкурки меняют. Там, - он махнул рукой в сторону восходной земли, - цен-то настоящих не ведают. Сам посуди - за хороший топор из желтой бронзы берут шкурок всего-навсего столько, сколько пролезает в проушину того самого топора...

Он улыбнулся столь вопиющему невежеству чужаков, но тут же снова стал серьезен.

- Если в этом году на торжище не пошли, а сюда направляются - значит есть тому важная причина.

- Какая? - спросил Учай, пораженный обширными знаниями отца.

Он и не думал, что Толмай так хорошо изучил мир до самых дальних его пределов. Его собственные знания о нем не простирались за пределы Зеленого Дома. Учай пообещал себе восполнить это упущение и вызнать о земле чужаков как можно больше.

– Мы покуда не ведаем. Но стало быть, надо все потихоньку разузнать. С чужаками следует быть радушными и приветливыми. Кто знает, с чем они пожаловали и когда вдругорядь сюда намереваются? Лучше их не злить. Их больше, чем нас... А скорлупу эту ни стрелы, ни копыя не берут – в том наши предки убедились. Я вот что думаю... – Толмай подошел к сыну. – Если мы нынче хорошо гостей примем, то и в иной раз они нас за друзей посчитают. Какое нам с того благо?

– А такое, – чуть подумав, отозвался Учай. – С их дружбы нам много пользы прийти может. Что, если приманить их везти свой товар к нам, а не в Ладьву?

Толмай усмехнулся и кивнул:

– Разумно мыслишь. А еще?

– А если тут большое торжище устроить – тогда и все иные рода к нам придут! – догадался Учай. – Ну а если еще и выход у нас тут собирать...

– Стало быть, так. – Толмай положил тяжелую руку на плечо сына. – Ступай к Урхо да передай ему, что мы гостей тут ждем. И в честь их прихода устроим большой праздник. Пускай люд порадуетя.

– А мы как раз все, что нужно, прознаем да выведаем, – радостно подхватил Учай.

Он уже выходил, когда отец с беспокойством спросил его в спину:

– А что там Кирья-то наша? Что Ашег говорит – есть на ней порча или нет?

Младший сын озадаченно взглянул на него. Прибытие чужаков совершенно затмило паводок и обвинения Высокой Локши. В другое время о них бы судачили не один год, но теперь Учая уже казалось, что все это случилось давным-давно.

– Насчет порчи Ашег ничего не сказал. Но все твердил о каком-то сне, который Кирье послал бог ветра. Остерегайтесь, говорил, зла, что идет в наши земли. Урхо думает, что это мохряки.

– Я с Ашегом потом потолкую, – сказал Толмай. – Ну ступай. А я буду готовить встречу...

Огнехранитель Хаста сидел на вершукке пологого холма над рекой и бездельничал, как показалось бы досужему наблюдателю. На самом деле он предавался важным раздумьям и заодно наслаждался окрестным видом. Вид с вершины в самом деле открывался прекрасный. Южный склон круто обрывался к реке, за которой простирались заливные луга, обрамленные зубчатой кромкой леса, подсвеченной заходящим солнцем. А если глядеть в обратную сторону, то совсем неподалеку виднелись поросшие травой крыши приземистых бревенчатых домишек, величаемых ингри избами.

Впрочем, Хаста был далек от мысли пренебрежительно смотреть на чужие жилища, ибо знал, что не у всех есть и такие. Он задумчиво глядел на раскинувшийся внизу поселок, пытаясь мысленно подсчитать, сколько жителей в нем обитает. Конечно, скоро это станет известно, но занятно будет сравнить его предположения с истиной.

Интересно, какими ремеслами они владеют? Он припомнил содержимое корзины со всякими безделушками, которые выдал ему для обмена казначей храма. Здесь пригодится все: и бронзовые украшения, и бусины из яшмы, сердолика и горной сини. В обмен можно получить порой весьма любопытные вещицы, которым дикари не знают настоящей цены, а заодно и услышать много полезного о неизведанных местах, нравах обитающих поблизости незнакомых пока племен...

Первое впечатление об этих самых ингри осталось довольно жалкое, хоть они и называют свой край Прекрасной землей. Когда их старейшины во главе с племенным вождем величаво взошли на этот самый холм навстречу царевичу Аюру, тот едва сдержался, чтобы не рассмеяться при виде бородачей, обряженных в долгополые рубахи и душегрейки из волчьих шкур. Хаста, больше понимающий в обычаях дикарей, с любопытством наблюдал, как ингри стараются защитить себя от сглаза. На головах у них красовались нелепые подобию шлемов с лосиными рогами, будто отдавая их владельцев под защиту зверей-прародителей. Среди связок оберегов почетное место занимали потускневшие медные ожерелья из тех, которые в Аратте юнцы из простонародья дарят своим еще более несмышленным подругам, – литые сердечки, цветочки, птички с расправленными крылышками. Здешние же старейшины несли эти украшения как знаки высшей доблести вроде священных

шнуров с черными агатовыми бусинами у Ширама и Джериша.

Слава Солнцу, Аюр все же удержался от смеха. Впрочем, одежды ингри, расшитые речным жемчугам и густо покрытые вышивкой, вблизи оказались весьма красивы и удобны. А сами лесовики плохо, но владели человеческой речью. По крайней мере, рядом с мохначами они почти походили на людей.

По взмаху руки вождя местные беловолосые девушки, скромно толпившиеся за спинами старейшин, выступили вперед и поднесли Аюру пару огромных рыбин на узких деревянных блюдах и березовые туески с грибами и ягодами. Царевич, в свою очередь, с милостивым видом раздал встречающим яшмовые бусы, а вождю подарил сверток яркой ткани.

Хасте было очень занятно следить за тем, как бурно радуются безделушкам седобородые мужи. Но куда занятнее было взглянуть на Ширама. В тот самый момент, когда принесшие рыбу девушки повернули обратно и накх увидел длинные косы за их спинами, его лицо вытянулось, а все тело напряглось так, будто он едва удержался от резкого движения. Еще бы, для любого накха воинская коса – предмет гордости. Недаром поговорка «дергать накха за косу» означала заведомо безумный поступок. Ширам краснел, бледнел и в конце концов отвернулся, чтобы не видеть этакого паскудства. Встретившись взглядом с Хастой, поджал губы, точно собираясь разразиться бранью.

Тем временем старейшина ингри, благообразного вида кряжистый муж во цвете лет, сообщил, как он рад приветствовать гостей из далекой Арьялы в землях ингри, и разрешил царевичу выбрать любое понравившееся место для стоянки.

– Позвольте мне, – предложил наследнику Ширам и, получив утвердительный ответ, мгновенно скрылся из виду...

Из задумчивости Хасту вывел громкий как труба голос Джериша.

– Зачем тут частокол?! – доносилось снизу. – Для чего ров? Ты видел этих грязеедов? Мои парни смогут разогнать все их селение пинками! А от диких зверей хватит и простой изгороди...

– Здесь должен быть частокол и ров, – будто не слушая его, ровным голосом говорил Ширам. – А там, ниже, мохначи устроят загон для мамонтов. Там же следует поставить дозорного...

– Зачем? Скажи мне – зачем?!

– ...скрытно, чтобы никто не знал об этом. Лучше всего смастерить небольшую засидку в кроне дерева...

– Ха! От кого все эти предосторожности? От белок?

– Делать правильно нужно всегда, – холодно сказал накх. – А не только когда думаешь, что прав. Частокол необходим.

– Я так не считаю...

– А после того как он будет поставлен, нужно будет расчистить дорогу от кустарников. Впрочем, этим, пожалуй, займутся ловчие. Рабы пусть выкопают выгребные ямы и устроят костровища. Еще пошли трех человек со слугами в лес, пусть укажут, какие деревья рубить на бревна для частокола...

– Ты что же, не слышишь меня, Ширам? – гневно рявкнул жезлоносец. – Под моей рукой арии! Быть может, вы, накхи, и любите копать в земле, подобно всяким ползучим гадам, но я тебе скажу – это не наше дело.

– Семь поколений назад, – ответил Ширам, – накхи думали и говорили так же. Никто у нас не взялся бы за лопату или заступ.

– А я слышал, что и сейчас тот, кто хотя бы случайно прикоснется у вас к плугу, в следующей жизни будет наказан рождением в теле простолюдина!

– К плугу – да, – согласился Ширам. – Но искусство построения крепостей – благородное дело. Кстати, мы обучились ему у вас... Так что оставь никчемные разговоры, глава жезлоносцев. Как глава Великой Охоты и телохранитель царевича, я не допущу, чтобы его священная особа подвергалась опасности. До заката здесь должно стоять укрепление, и, клянусь Первородным Змеем, оно тут появится!

Огнехранителю даже издали слышался зубовой скрежет и сдавленное проклятие знатного ария. Но похоже, наху не было до этого дела.

– Где этот рыжий бездельник? – Будто позабыв о Джерише, Ширам повернулся и оглядел холм. – Я видел его где-то здесь! Во всяком случае, его шавка крутилась под ногами, клянча еду у всех подряд...

Хаста вздохнул, поднимаясь на ноги. Саарсан порой напоминал ему дикого зверя, по случаю обретшего человеческую речь и раздраженного необходимостью изъясняться с окружающими. Если, говоря с ариями, он все же следил за словами, то с «земляными людьми» нисколько не стеснялся – легендарная вежливость нахвов на них явно не распространялась.

– Эй, жрец! Ты уже решил, где будет алтарь?

– Господь Исварха укажет мне место.

– Попроси его поторопиться. И ткни пальцем слугам, чтобы они ненароком не выкопали в этом месте нужник.

– Тем, кого любит Господь Солнце, он дарует свет и в нужнике, – с благостным видом ответил Хаста. – Тот же, кто злословит его, и среди бела дня блуждает во тьме.

– Все это очень занимательно. Расскажешь тем, кто пошел за бревнами. Если к закату здесь не будет частокола, им как раз понадобится свет... А ты укажи слугам, где будет стоять алтарь, и ступай к мохначам.

– Зачем?

– Не перебивай. Я пошлю туда раба-переводчика, а ты за ним приглядишь. Его словам не больше веры, чем сорочьему треску. Послушай, что он будет говорить, и, если вздумает юлить, объясни сам. Не думаю, чтобы ингри решили напасть, но что-нибудь стянуть они вполне способны. Все дикари считают своим то, что им нравится, а у нас, похоже, им понравилось многое. Я хочу, чтобы мохначи, если увидят, что лесовики подбираются к холму, подняли шум. Ты понял меня?

– Понял, господин. Но я еще недостаточно владею языком...

– Послушай меня, рыжий наглец. Я неоднократно видел, как ты шушукался с этим существом, которое язык не поворачивается назвать женщиной. Я уверен, что ты сможешь ей объяснить все, что пожелаешь. Не обмани моих надежд, иначе тебе придется каждый раз просить своего бога, чтобы он подкинул мяса в твою похлебку!

Предупреждение накха было прямым и недвусмысленным. Похлебку без мяса в отряде ели только рабы. Какое оскорбление для жреца-огнехранителя! По своему положению Хаста мог бы претендовать на обеды вместе с самим Ширамом. Но этот нелюдим всегда ел в одиночестве. Да и особые права жрецов явно интересовали его не больше, чем сухие листья в окрестном лесу.

Хаста удалился, сожалея о безвозвратно испорченном вечере. Следовало поскорее сгрузить и принести сюда походный алтарь, разбить шатер до темноты... Он несколько растерянно огляделся, ища помощников. Рабы и слуги были заняты делом, лишь у края обрыва в ожидании бревен для частокола торчала полудюжина телохранителей. Жрец направился к ним. Хмурые арии, казалось, не замечали его. Они топтались на месте, переговариваясь между собою, не особо скрывая недовольство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/mariya-semyonova/aratta-kniga_1-velikaya-ohota

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)